Герои Ислама

Сулейман великолепный

и его великолепный век

Герои Ислама

Александр Владимирский

Сулейман Великолепный и его «Великолепный век»

«Яуза»

2013

Владимирский А. В.

Сулейман Великолепный и его «Великолепный век» /
А. В. Владимирский — «Яуза», 2013 — (Герои Ислама)

ISBN 978-5-699-66422-1

Эта книга – первая отечественная биография величайшего султана Османской Империи, чье царствование вошло в историю как «Великолепный век». На Западе его так и прозвали: Сулейман Великолепный, а в Исламском мире именуют Кануни (Справедливым). Это он превратил Блистательную Порту в самую могущественную империю Востока, завоевав Боснию и Герцеговину, Тран-сильванию и Молдавию, Ирак и Грузию, Родос и Ливию, Судан и Эфиопию, он вел победоносную войну против коалиции сильнейших монархий Европы, взял Белград и Буду, разгромил Венгрию (бежавший с поля боя мадьярский король утонул в болоте), не раз бил на море португальцев и венецианцев, вторгался в Баварию, осаждал Вену, а гордая Австрия платила ему дань. Сулейман I прославился не только как великий завоеватель, но и непревзойденный строитель, при котором возведены главные архитектурные шедевры Стамбула, и мудрый законодатель, обеспечивший своему народу справедливость, порядок и процветание. А история его любви к легендарной Роксолане стала сюжетом многих романов и популярного телесериала «Великолепный век».

ISBN 978-5-699-66422-1

© Владимирский А. В., 2013
© Яуза, 2013

Содержание

Предисловие 5
Взлет и упадок Османской империи 7
Наследие Селима Грозного 16
Восшествие на престол 20
Войны и завоевания. Первый поход против Венгрии 22
Первая война против ордена иоаннитов (госпитальеров). Осада Родоса 30
Конец ознакомительного фрагмента. 37

А.В. Владимирский Сулейман Великолепный и его «Великолепный век»

Предисловие

Герой этой книги по праву считается самым могущественным султаном Османской империи и одновременно единственным ее правителем, отразившимся в европейской массовой культуре. Последнее произошло во многом благодаря его жене, красавице Роксолане, которой приписывают самое разнообразное этническое происхождение. Известность же к Сулейману пришла прежде всего благодаря тому, что именно в его правление Турецкая империя достигла максимального военного могущества и территориального расширения. Сулейман был близок к тому, чтобы сделать Средиземное море «турецким озером», и сделал таковыми Черное и Азовское моря. Он также упорядочил внутреннее управление империей, благодаря чему удостоился от современников титула Кануни, что переводится с турецкого как «Законодатель». Тем самым ему воздают должное за то, что именно при нем произошла кодификация турецкого права. У турок, как и у европейских народов, прозвище обычно сопровождает имя конкретного государя, выделяя при этом главную черту его характера и государственной деятельности. А надпись на построенной в честь Сулеймана Великолепного мечети Сулеймание гласит: «Распространитель законов султанских». В Европе же десятого султана Османской империи Сулеймана I традиционно называют Великолепным. Его царствование считается золотым веком Турции. Это примерно то же самое, что для французов век Людовика XIV, большинству русских читателей известный главным образом из романов Александра Дюма-отца.

Своего Дюма для описания века Сулеймана в Турции не нашлось, и сегодня мы знаем о нем главным образом благодаря турецкому сериалу «Великолепный век», стартовавшему в 2011 году и показанному уже в 42 странах мира, в том числе в России. Как и почти всякий исторический сериал, он достаточно вольно обращается с историческими фактами, но дух эпохи в целом передает. В то же время, несмотря на огромную популярность сериала среди турецких зрителей, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган критически отозвался о «Великолепном веке», заявив, что создатели «пытаются показать молодежи историю Турции в негативном свете». Вероятно, политику-исламисту не понравился сугубо светский характер сериала, созданного по европейско-американким кинорецептам. В ответ один из сценаристов сериала Мерал Окай честно признался: «Мы говорили с самого начала: это вымысел, вдохновленный историей». Что ж, в этом отношении сериал «Великолепный век» принципиально не отличается от романов Александра Дюма-отца и их многочисленных экранизаций, сосредотачиваясь на тесно переплетающихся между собой любовных и политических интригах. Чего стоит фраза Сулеймана: «Я управляю миром на трех континентах, но оказывается, я не могу управлять любимой, которая поднимает восстание в знак своей любви!» Разумеется, подобная эмансипация в XVI веке была немыслима.

Сулейман Великолепный в глазах своих подданных рисовался идеальным правителем империи, который сумел не только распространить свою власть на всех правоверных мусульман (суннитов), но и, победив европейцев, завоевать значительную часть Европы, после чего перед ним преклонились «султаны Запада». Но, пожалуй, даже еще выше, чем за великие военные победы, его превозносили за плодотворную деятельность государственного организатора. Считается, что Сулейман Великолепный был искусным воином и политиком, величайшим из османских правителей, мудрым законодателем и даже неплохим поэтом, но одновре-

менно жестоким и вероломным тираном. По мнению британского историка лорда Кинкросса, автора книги «Расцвет и упадок Османской империи», «Сулейман при всей терпеливости своего характера, неподкупности принципов и теплоте его привязанностей хранил внутри себя некий опасный запас холодности, скрытой жестокости, порожденных склонностью к абсолютной власти и тесно связанной с этим подозрительностью в отношении любого, кто мог бы соперничать с ним». Султан покровительствовал земледелию, промышленности и торговле, щедро одаривал ученых и поэтов. В современной Турции он является вторым по степени почитания историческим деятелем после Кемаля Ататюрка, причем его популярность растет в последние десятилетия, когда у власти находятся умеренные исламисты, постепенно подвергающие ревизии многое из наследия Ататюрка. Современные западные историки смотрят на Сулеймана Великолепного не так восторженно, отмечая, что его успехи были связаны не столько с силой Турецкой империи, сколько со слабостью и раздробленностью его противников в Европе, Африке и Азии. Они подчеркивают, что внутренний упадок Османской империи начался еще во время его правления и продолжился при его наследнике, султане Селиме II, получившем у современников красноречивое прозвище Пьяница. Тем не менее достижения Сулеймана не смог превзойти никто из султанов, царствовавших после него.

Взлет и упадок Османской империи

Перед тем как перейти к биографии Сулеймана Великолепного, бросим взгляд на предшествовавшую историю и состояние Османской империи, чтобы понять, что же досталось султану в наследство.

Турки-османы были кочевниками. Их легкая кавалерия в свое время сокрушила слабеющую Византийскую империю, хотя, равно как и янычарская пехота, оказалась бессильна против пришедших из Азии полчищ Тимура, объявившего себя сюзереном всех тюркских властителей в Анатолии и разбившего в битве при Анкаре в 1402 году армию османского султана Баязида I и взявшего самого султана в плен. Это поражение на полвека отсрочило падение Константинополя и Византийской империи, но не остановило процесс создания Османской империи. Сильная армия была основой этого процесса.

Пожалуй, не считая эфемерных империй Александра Македонского, Чингисхана и Карла Великого, которые сохраняли свое территориальное единство лишь при жизни основавшего их полководца-завоевателя, Османская империя из всех мировых империй в наибольшей степени оставалась военной империей. Ее могущество и ее единство зиждились исключительно на силе турецкой армии. Турки-османы, как и другие тюркские народы, были сугубо континентальными и плохими мореплавателями. Для того чтобы создать сильный флот, у них не было главного, что отличает нации мореплавателей, – наличия большого по численности свободного населения, также имеющего опыт мореходства. Все турки были встроены в строго иеархичную систему и в жизнь своей общины сначала в феодально-кочевом, а потом в военно-феодальном обществе и в жизнь своей общины. Во флот призывать их было опасно. Во-первых, их пришлось бы долго обучать искусству мореплавания. Во-вторых, что еще важнее, матросы, рекрутированные из несвободного населения, сохраняли бы лояльность своим командирам только в турецких портах. В море такие матросы-полурабы наверняка бы подняли бунт, а в первом иностранном порту постарались сбежать и наняться на корабли свободных наций – англичан, голландцев, французов, венецианцев и др. Сильный флот у Османской империи появился только при Сулеймане Великолепном. Но этот флот имел отнюдь не турецкую основу. В его составе преобладали корабли с экипажами из арабского населения Северной Африки, а также из греков и иностранцев-христиан. На короткое время турецкий флот завоевал господство в Средиземном море. Однако уже в конце XVI века, после разгрома при Лепанто, начался упадок флота Османской империи. Уже в середине XVII века он представлял собой лишь бледную тень грозных эскадр Хайреддина Барбароссы и других турецких флотоводцев эпохи Сулеймана Великолепного.

Османская армия, в отличие от флота, имела более прочную основу в виде главного народа империи – турок, и ее упадок был более медленным. Былого могущества она лишилась лишь в начале XVIII века. До этого времени османские войска, хотя уже со второй половины XVI века и не производили масштабных завоеваний, оказывались в состоянии удерживать те территории, которые завоевали Сулейман Великолепный и его предшественники. Но слабая промышленная база не позволяла правителям Османской империи на равных сражаться с регулярными армиями.

Османскую империю погубило отсутствие внутреннего единства. Имперским народом, по сути, были только сами турки-османы, но они преобладали лишь на меньшей части империи – в Малой Азии и в некоторых районах Балканского полуострова. При этом на Балканах большинство турок составляли потомки ассимилированных (потуреченных) местных народов – славян, алюанцев и греков, в меньшей степени – валахов и молдаван, населявших автономные княжества. Другие провинции Османской империи были заселены по большей части народами, отличавшимися от турок по языку, культуре, образу жизни, а порой – и по религии. Северную

Африку и Западную Азию населяли арабы, причем арабы различных стран значительно отличались между собой диалектами, уровнем развития и культурой. В Египте, кроме арабов, большую роль продолжали играть мамлюки, прежние правители страны. Подавляющее большинство населения Крымского ханства (нынешний юг Украины), являвшегося вассалом турецкого султана, составляли крымские татары, значительная часть которых сохраняла кочевой образ жизни. Тюркские народы, исповедовавшие шиизм, населяли отвоеванные у Ирана территории. Большинство из них оставались кочевниками. На Кавказе смешанно жило великое множество народов. Турки составляли здесь не слишком заметное меньшинство и никаких попыток ассимиляции указанных народов даже не предпринимали. Чем дальше от турецкой столицы Стамбула находилась провинция, тем слабее была там власть султана и тем меньше поступало оттуда доходов в султанскую казну. Власть султана держалась только на армии, беспощадно подавлявшей внутренние мятежи и завоевывавшей все новые и новые территории. Завоевания увеличивали доходы султана, а следовательно, позволяли увеличивать численность постоянной армии. Кроме того, покоренные народы поставляли вспомогательные войска, что тоже увеличивало численность армии.

Что же касается флота, то турок там было очень мало. Основу флота Османской империи составляли магрибские пираты, традиционно подчинявшиеся алжирскому бею. Немало было во флоте и христиан-греков, а также других христиан-иностранцев. По мере того как веротерпимость в Османской империи уменьшалась, уменьшалась и лояльность греческих моряков, а заменить их было некем. Магрибские же флотоводцы все реже наведывались в Восточное Средиземноморье. Но во времена Сулеймана Великолепного у турок как раз появился действительно сильный флот и все флотоводцы еще беспрекословно исполняли волю султана.

В отличие от великих европейских империй, Османская империя не создала своей великой культуры и даже культуры, общей для всего или большей части своего населения. Собственно турецкая культура, как раз в царствование Сулеймана Великолепного переживавшая свой расцвет, мирового значения так и не достигла и была во многом разновидностью персидской культуры. И для подавляющего большинства подданных султана культура турок-османов так и осталась чужой, а новой синтетической имперской культуры так и не возникло. С более древней и развитой арабской культурой, культурой Корана, османская культура конкурировать не могла и сама находилась под ее сильнейшим влиянием. Курды ее тоже не воспринимали. Для славян, армян, греков и другого христианского населения империи, равно как и для иудеев, турецкая мусульманская культура оставалась чуждой. А вот в Австро-Венгерской, Британской и Российской империях господствовала единая имперская культура, общая, по крайней мере, для элит входивших в империю народов. Для Австро-Венгрии это была австрийская культура, для Британской империи – британская англоязычная, для Российской империи – русская культура. Все эти три культуры являются самостоятельными культурами мирового уровня. Османская культура до этого уровня так и не поднялась.

Отсутствие культурного единства сказывалось на политическом единстве Османской империи. Уже в XVII веке магрибские провинции империи были очень слабо связаны со Стамбулом. Магрибский флот вернулся к привычному пиратству, действуя автономно от имперского флота, который стремительно терял позиции в Средиземноморье. В конце XVIII века, еще до французского вторжения, фактически независимым от Стамбула стал Египет, где реальная власть оставалась у мамелюков. А в начале XIX века фактически независимым правителем Египта стал наместник Мухаммед Али, и с тех пор Египет уже не вернулся под реальный контроль Стамбула.

В Османской империи не было не только политического и культурного, но и экономического единства. Со времен Сулеймана Великолепного практически вся внешняя торговля и нарождающаяся промышленность империи находилась в руках иностранцев, которые отнюдь не были заинтересованы в промышленном развитии Турции. Сами турки ни торговлей, ни про-

мышленностью не занимались. Единого общеимперского рынка так и не сложилось. Отдельные провинции имели более тесные торгово-экономические связи с соседними государствами, а не со Стамбулом.

В отличие от Османской империи, все европейские империи в экономическом отношении были значительно более едины. Там имелись общеимперские рынки, с самого начала существования империи неуклонно повышалась товарность экономики. По темпам своего экономического роста Австро-Венгрия и Российская империя, не говоря уже о Британской империи, значительно превосходили Османскую империю.

Уже в XVIII веке отчетливо проявилась военно-техническая отсталость турецких вооруженных сил. Все современные вооружения приходилось покупать в Западной Европе, а это обстоятельство делало Турцию лишь младшим партнером в европейских коалициях. Ее распад становился неизбежен. Но в XVI веке никто не думал о грядущем упадке.

По форме правления Османская империя представляла собой типичную восточную деспотию. Султан обладал абсолютной властью над своими подданными. До конца XVI столетия большая часть земельных угодий Османской империи являлась государственной собственностью, верховным распорядителем которой был султан. Значительную часть государственного земельного фонда составляли владения (домен) самого султана. Это были лучшие земли в завоеванных Балканских странах – Болгарии, Фракии, Македонии, Боснии, Сербии и Хорватии. Доходы от домена находились в полном распоряжении султана и тратились на содержание двора, а также на выплату жалованья армии и флоту, строительство кораблей, производство пушек и т. д.

Строй Османской империи можно условно назвать государственным феодализмом. Все турецкие землевладельцы являлись вассалами султана. Феодальной иерархии в стране не существовало. Любой человек, возвышенный султаном, мог получить любые должности, вплоть до великого визиря. Это никак не зависело от социального происхождения. Султанские выдвиженцы могли быть бывшими пленниками или выходцами из беднейших слоев населения, что никак не препятствовало их карьере. Впрочем, фавориты точно так же могли быть в любой момент казнены по прихоти султана. С другой стороны, богатства и земли, пожалованные султаном, лишь в ограниченной мере наследовались сыновьями феодалов, что препятствовало появлению крупной наследственной земельной собственности.

Формирование и снабжение феодального войска производилось самими военными ленниками. Эти ленники, сипахи, за свою военную службу получали из государственного земельного фонда на правах условного владения большие и малые поместья (зеаметы и тимары) и имели право взимать в свою пользу определенную часть ренты-налога. Тимар – это поместье с размером дохода менее 3 тыс. акче (1 акче – это серебряная монета весом 1,15 грамма), а зеамет – это поместье с размером годового дохода от 3 до 100 тыс. акче. Однако, постоянно участвуя в походах, хозяйство они вели плохо, отдавали его на откуп управляющим, и сельское хозяйство империи постепенно приходило в упадок. Султан также раздавал большие поместья своим придворным и наместникам провинций. Доходы с них превышали 100 тыс. акче в год. Эти поместья назывались хассами, и сановники пользовались ими лишь до тех пор, пока занимали свой пост на определенных должностях. К частной феодальной собственности принадлежали земли феодалов, получавших за военные или государственные заслуги особые султанские грамоты на неограниченное право распоряжаться предоставляемыми имениями. Эта категория феодальной собственности на землю называлась «мюльк». Данные земли можно было продавать, дарить или передавать по наследству. Хотя количество мюльков постоянно возрастало, их удельный вес вплоть до конца XVI столетия был невелик. Обращение в мюльки тимаров и зеаметов уменьшало количество выставляемых воинов и подрывало мощь империи.

В царствование Сулеймана Великолепного, равно как и в правление его отца, владельцы тимаров, зеаметов и хассов обычно жили в городах и в подавляющем большинстве не вели

собственного хозяйства. Они собирали феодальные повинности с сидящих на земле крестьян с помощью управителей и сборщиков податей, а нередко и откупщиков, представлявших немусульманское население империи.

Вакуфные земли являлись собственностью мечетей и различных мусульманских религиозных и благотворительных учреждений. С интересами духовенства султаны вынуждены были считаться, тем более что вакуфные земли нельзя было конфисковать.

Во времена Сулеймана Великолепного военно-ленная система еще не достигла той степени разложения, которая была бы опасной для военой мощи государства. Османы унаследовали данную систему от сельджуков. Она способствовала успехам турецкого оружия, начиная с царствования первого султана Османа I в конце XII – начале XIII века. Видный турецкий политический деятель и писатель XVII века Кочибей Гемюрджинский писал в своем трактате, что османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано». Эти слова абсолютно справедливы по отношению ко всем периодам истории Османской империи. Когда турецкая сабля затупилась и проржавела, Османская империя начала постепенно рушиться. Военная добыча, рабы, дань и налоги с завоеванных земель были в течение нескольких столетий главным средством обогащения турецких феодалов-воинов и их подчиненных, а также основой финансовых поступлений в имперский бюджет. Не случайно с конца XVII века, когда завоевания полностью прекратились и Османская империя начала постепенно сокращаться в размерах, ее стали сотрясать перманентные финансовые кризисы.

Военно-ленная система утрачивала свое прежнее значение с развитием товарно-денежных отношений. Займы (владельцы зеаметов) и тимариоты (владельцы тимаров) составляли, по выражению одного турецкого историка, «настоящую рать, сражавшуюся за веру и государство». Хотя турецкая пехота – янычары, а также значительная часть кавалерии состояли на постоянном государственном денежном жалованье, получение тимара оставалось заветной мечтой каждого офицера (а порой тимар могли получить и рядовые янычары, отличившиеся в сражении). Поскольку жалованье войскам выплачивали не всегда регулярно и в полном объеме, военная добыча оставалась важным источником дохода и для постоянного турецкого войска. Долго держать янычар в Стамбуле без войны было опасно: как показывал опыт, они легко могли взбунтоваться. Поэтому ведение завоевательных войн становилось для турецких султанов жизненно необходимым. Это прекрасно сознавал и Сулейман Великолепный после вступления на престол.

Крестьянская и городская райя – податное население Османской империи (термин «райя» только к немусульманскому населению страны стал применяться лишь с конца XVIII века) не имело никаких политических прав и все сильнее эксплуатировалось займами и тимариотами. Крестьянство в Турции было прикреплено к своим земельным наделам еще в конце XV века. Во второй половине XVI века Сулейман Великолепный издал закон, окончательно прикрепивший крестьян к земле по всей территории Османской империи. В законе утверждалось, что райят обязан жить на земле того феодала, в реестр которого он вписан. В случае самовольного ухода крестьянина к другому феодалу прежний феодал мог вернуть его к себе в течение 10–15 лет и даже наложить на него штраф. На практике же крупные землевладельцы предпочитали крестьян не возвращать, ограничиваясь уплатой штрафа. Но продавать крестьян без земли запрещалось. Однако пока сипахи были заняты на войне, у крестьян изымалось не так много производимой продукции, и им вполне хватало на жизнь. Их хозяева во многом удовлетворялись военной добычей. В ведение крестьянского хозяйства тимариот не вмешивался, ограничиваясь взиманием фиксированного налога.

Характерно, что в отличие от европейских феодалов турецкое законодательство строго регламентировало величину ренты, которую тимариоты и займы могли взимать с крестьян, а также их отношения с крестьянами. Турецкие феодалы не пользовались, например, таким

важным правом, как феодальная юрисдикция; их роль в управлении ленами была невелика, поскольку судебная и гражданская власть принадлежала кадиям.

При Сулеймане некоторое число христиан-ленников сохранялось только в недавно завоеванных венгерских и сербских землях, но к началу XVII века все они перешли в мусульманство.

Подавляющая часть земледельческого христианского населения Османской империи была прикреплена к земле и без разрешения феодалов или местных властей не могла покинуть своего надела. Законы Сулеймана Великолепного устанавливали 10–15-летний срок сыска беглых крестьян. Но в горных районах Балкан издавна было много скотоводческих христианских общинных поселений. Крестьяне-скотоводы по-прежнему уплачивали налоги с каждого дома, делали поставки скотом и продуктами скотоводства. Они, как правило, не передавались частным владельцам, поэтому их положение было значительно легче, чем положение земледельцев.

Земледельцы-мусульмане платили десятину (ашар), а христиане от 20 до 50% урожая (харадж). Немусульмане (христиане и иудеи) платили еще подушную подать – джизью, которая позже слилась с хараджем, увеличив его размер до половины урожая.

Интересно, что крестьяне раньше, чем их хозяева, стали наследовать свои земельные участки. Однако уже в конце правления Сулеймана Великолепного в связи с прекращением завоеваний и отсутствием сколько-нибудь значительной военной добычи, а также в связи со все большей нуждой в денежных средствах, сипахи повысили уровень эксплуатации крестьян. Это вызвало недовольство и волнения райя. С другой стороны, отсутствие новых военных походов уже в конце XVI века вызвало мятежи расквартированных в Стамбуле янычар, которые в XVII—XVIII веках неоднократно свергали с престола султанов. Сильная турецкая армия, достигшая при Сулеймане зенита своего могущества, в дальнейшем стала могильщиком империи. Не в силах противостоять европейским армиям, она лишь усиливала внутреннюю смуту и противилась проведению необходимых для выживания страны реформ по европейскому образцу.

Феодалы все больше увлекались предметами роскоши из Европы, а вместо себя предпочитали посылать в походы наемных воинов. В конце XVI века перестал соблюдаться прежний запрет сосредоточения нескольких ленов у одного владельца. Появились крупные земельные владения, владельцы которых уже не имели отношения к военной службе. Также и султаны, начиная с Сулеймана Великолепного, раздавали своим фаворитам и наместникам провинций обширные поместья в наследственное владение. Большинство же тимариотов и займов, неспособных эффективно вести хозяйство, не выдерживали конкуренции с крупными землевладельцами и постепенно разорялись, а значит, уже не могли сами выступать в поход и выставлять требуемое число воинов. Качество турецкой конницы падало, а пехоты – не улучшалось. Проживи Сулейман I еще десяток лет, он наверняка бы испытал уже горечь поражения. Но судьба хранила его от этого. При Сулеймане численность сипахов в войске достигала 200 тыс. человек, а к концу XVII века осталось лишь 20 тыс. Без мощной армии и флота империя не могла существовать, но само наращивание вооруженных сил разрушало экономику страны и неизбежно вело империю к кризису.

Пока в Европе уже в XVI веке бурно развивались рыночная экономика и банковское дело, экономика Турции оставалась главным образом натуральной и во многом патриархальной. Развивалась лишь государственная военная промышленность, причем функционировала она феодальным образом. Почти все промышленные товары закупались в Европе на средства, которые отнимались у тех же европейцев в ходе завоевательных войн. Но подобные завоевания не могли быть прочными. Как раз в середине XVI века основные торговые пути переместились из Средиземного моря в Атлантику и северные моря. Заинтересованность европейских государств в торговле с Османской империей постоянно падала. Еще при Сулеймане Великолепном европейцы нередко предпочитали откупаться от турок, чем сражаться с ними. Но при его преемниках, по мере того как слабела Османская империя, она стала рассматриваться евро-

пейскими державами в качестве «больного человека Европы», объекта торгово-экономической эксплуатации и военно-политической экспансии.

Не благоприятствовали Турции и политические изменения, происшедшие в Европе в XVII веке. После того как австрийские Габсбурги проиграли Тридцатилетнюю войну, завершившуюся в 1648 году Вестфальским миром, они на время отказались от борьбы за гегемонию в Германии и сосредоточились на своих наследственных владениях, непосредственно граничивших с Османской империей. Кроме того, противостояние Габсбургской империи с Францией потеряло былую остроту. В результате турки стали терпеть поражения от австрийцев. А после катастрофы под Веной в 1683 году у османов осталась лишь тень былого величия, и их перестали считать серьезным военным противником, опасным для судеб европейских государств.

Вследствие содержащегося в Коране запрета на получение прибыли турки и другие мусульмане Османской империи не занимались торгово-финансовыми операциями. Последние целиком сосредоточились у представителей религиозных и этнических меньшинств: греков, армян, иудеев, французов, генуэзцев, венецианцев и других выходцев из итальянских государств. Таким образом, все те этнические и религиозные группы, которые были связаны с рыночной экономикой и экономическим прогрессом, напрямую не были связаны ни с имперским народом – турками, ни с османской идеей. Не были они заинтересованы и в дальнейших завоеваниях, равно как и в поражениях своих европейских контрагентов.

Султан Мехмед II Завоеватель, правивший в 1444–1446 и 1451–1481 годах, издал так называемый «братоубийственный закон», согласно которому новый султан получил право, но только с одобрения улемов (религиозных авторитетов), предавать смерти своих братьев как явных или потенциальных мятежников, чтобы сохранить единство Османской империи. Закон, безусловно, жестокий и варварский, что, впрочем, не помешало ему стать достаточно эффективным орудием сохранения государственного единства. Та идея, что «предпочтительнее потерять принца, чем провинцию», вероятно, вдохновляла Мехмеда II. Ведь любой из братьев наследника престола мог стать его опасным конкурентом в момент смерти его отца-султана, тем более что четкий порядок престолонаследия так и не был определен и выбор наследника всецело зависел от выбора правящего султана, а его выбор мог неоднократно меняться на протяжении царствования. Бывало, что братьев наследника престола убивали еще до правления Мехмеда II, но случалось это относительно редко, причем обычно поводом служил открытый мятеж нетерпеливых претендентов на престол. Но уже в царствование покорителя Константинополя принцев начали уничтожать во все возрастающем количестве. Сам Мехмед II без колебаний умертвил двух своих братьев. Его сын Баязид II казнил своего племянника Огуза, сына знаменитого принца Джема, который после смерти Мехмеда II восстал против своего брата. После смерти Огуза Баязид II казнил и трех из своих сыновей – тех, что подняли против него восстание. Его сын и преемник Селим I, отец Сулеймана Великолепного, правивший в 1512–1521 годах, в первые несколько месяцев своего царствования казнил четверых племянников, двух братьев, а впоследствии и трех сыновей-мятежников. Сулейман Великолепный последовал примеру отца и умертвил племянника и двух внучатых племянников, а потом и двух своих сыновей вместе с внуками, поскольку они подняли мятеж. Мурад III убил пятерых братьев, а Мехмед III стал настоящим чемпионом, когда в 1595 году в день своего восшествия на престол уничтожил 19 своих братьев, опасаясь восстаний с их стороны. Он же ввел еще один жестокий обычай, по которому сыновьям и братьям султана не позволялось, как прежде, участвовать в управлении империей. Теперь принцев помещали в «золотую клетку» – «Кафес», специальный павильон на территории султанского гарема. Там их общение с внешним миром было весьма ограничено. С одной стороны, это предотвращало возможность заговора с их стороны. Но, с другой стороны, если такие принцы все-таки достигали престола, они имели очень специфический жизненный опыт, который только мешал им успешно править империей. Поэтому султаны

все больше превращались в церемониальные фигуры, а реальная власть сосредотачивалась в руках великих визирей. Постепенно количество принцев, уничтоженных в профилактических целях, пошло на убыль. В XVII веке султан Мурад IV уничтожил всего лишь трех из оставшихся у него братьев. Тем не менее за время действия «братоубийственного закона» с начала XVI по конец XVII века было истреблено 60 принцев из правящей османской династии.

В целом характер применения «братоубийственного закона» целиком зависел от правящего султана. В случае, если принцы действительно поднимали мятеж и после этого попадали в руки султана, пощады им, как и в прежние времена, не было. Но теперь султан получил право, пусть и по согласованию с улемами, казнить возможных претендентов на трон даже в том случае, если от них исходила лишь потенциальная угроза мятежа. В этом случае решение бывало чисто субъективным и зависело от личности султана, от степени его гуманизма и жестокости и от его взаимоотношений с данным конкретным принцем. Следует подчеркнуть, что Сулейман Великолепный данным законом вовсе не злоупотреблял и казнил своих сыновей за вполне реальные мятежи, а отнюдь не за одни только подозрения в намерении составить заговор против него. Другое дело, что принцы, над которыми висел дамоклов меч «братоубийственного закона», могли с отчаяния и страха действительно поднять мятеж, опасаясь, что насильственной смерти все равно не избежать, а так хотя бы появится шанс захватить престол.

Истребив соперников, султан мог царствовать, не опасаясь мятежей со стороны братьев и племянников, но оставались еще собственные сыновья. Чтобы нейтрализовать угрозу переворота с их стороны, султану необходимо было заручиться поддержкой янычар, которым преподносили по традиции, установленной Баязидом II, «дар радостного восхождения на престол», включавший в себя как подарки натурой, так и значительную денежную выплату каждому солдату и офицеру. Кроме того, обычно каждый султан поднимал размер ежемесячного жалованья янычарам, и Сулейман Великолепный здесь не стал исключением.

Взойдя на престол, султан предавался либо государственной деятельности и военным походам, либо любимым развлечениям и занятиям, оставив государственные дела на откуп дивана и великого визиря. Так, для Селима I и Сулеймана Великолепного главным занятием были военные походы, которые они сами возглавляли, а также дела государственного управления и дипломатия, но оба султана не были чужды поэзии и вдохновенно возводили монументальные здания. А вот для сына Сулеймана Великолепного Селима II главным было хорошо поесть и изрядно выпить. Мехмед III и Ибрагим I увлекались прежде всего сексуальными утехами с многочисленными наложницами; а для Мехмеда IV единственной страстью была охота. Между султанами XVI и XVII веков прослеживается достаточно четкое различие в плане основных увлечений. Большинство султанов XVI века главное свое внимание уделяли государственным делам, будучи искренне убеждены в величии стоящей перед ними миссии раздвинуть до последних пределов границы Османской империи и подчинить свою жизнь служению ее интересам. Эти султаны лично занимались государственными делами, как военными, так и гражданскими, привлекали к делу государственного управления талантливых сановников, ставших хорошими министрами и выдающимися военачальниками и флотоводцами. Стамбул для Сулеймана Великолепного – это прежде всего деловой, военный и религиозный центр Османской империи. А вот для султанов XVII века на первый план вышли развлечения. Они пожинали плоды завоеваний и богатств, сделанных и накопленных предшественниками. Единственным заметным исключением здесь являлся Мурад IV, который во второй половине своего царствования проявил себя по-настоящему великим султаном, когда провел в 1630-е годы успешные войны против иранцев, венецианцев и донских казаков, лично предводительствуя войском. В то же время он отличался выдающейся жестокостью, казнив не менее 10 тыс. человек, в том числе при подавлении янычарских бунтов. Замечу, что ум и военный талант не мешали Мураду IV оставаться пьяницей и развратником.

Другие же султаны XVII века, бесхребетные, безвольные и безынициативные, отличались лишь обжорством, пьянством и похотью, а потому все время правления оставались под властью либо матерей, жен или наложниц, либо своих фаворитов-сановников. Они крайне редко покидали свой стамбульский дворец. Военные и государственные дела были им в тягость. Государством управляли султанские фавориты, а порой даже фавориты султанских фаворитов. Командование армией и флотом доверяли людям совершенно случайным и не обладавшим талантами полководцев и флотоводцев. Султанские фавориты и фаворитки без счета тратили казенные деньги. Неудивительно, что уже в XVII веке Османская империя терпела поражение за поражением на полях сухопутных сражений и в морских баталиях и ее постоянно сотрясали мятежи и смуты как в столице, так и в провинциях.

Роль фактического главы турецкой армии с конца XVI века стал играть великий визирь, который непосредственно руководил военными походами. Правда, в XVI веке султаны Селим I и Сулейман, а в XVII – Мурад IV в некоторых особенно важных кампаниях возглавляли армию лично, но в XVII веке ни один султан, за упомянутым исключением Мурада IV, в сражениях больше не участвовал, даже за пределами зоны огня, предпочитая оставаться в Стамбуле.

Военная система османов была создана задолго до воцарения Сулеймана Великолепного, и надо признать, что он получил в наследство мощную и хорошо отлаженную военную машину. Еще во второй половине XIV века, после завоевания большей части Балканского полуострова, османы, стремясь обеспечить рекрутами свою постоянно растущую армию и особенно пехоту, прибегли к системе «девширме», что в буквальном переводе с турецкого означает «собирание» или «подбирание». Система эта заключалась в том, что каждые три года или каждые семь лет в районах с христианским населением производилась мобилизация от одной до трех тысяч детей, подростков и юношей в возрасте от семи до двадцати лет в турецкую армию. Полностью оторванные от родителей и привычной социальной среды, «подобранные» дети отправлялись в Анатолию, где их распределяли среди мусульманских семей. Там их обращали в ислам, обучали турецкому языку и турецким и мусульманским обычаям. В возрасте десяти-одиннадцати лет их направляли в воспитательные дома, которые размещались во дворцах Адрианополя (Эдионе), Галлиполи и в Стамбуле после его завоевания. Подростков теперь именовали «аджемиоглан», что означает «чужеземные мальчики». Большинство из них направляли в армию, в корпус янычаров, других определяли на службу султану в качестве пажей – «ичоглан». Во дворце перед этими новообращенными мусульманами открывались значительные возможности для карьеры, особенно если удавалось привлечь к себе внимание и добиться благосклонности султана, его жены или наложницы, а также одного из фаворитов. В случае удачи можно было выбиться в великие визири, хотя после этого удачливого фаворита мог ждать и присланный султаном шелковый шнурок. Самый яркий пример такого рода из царствования Сулеймана Великолепного – судьба Ибрагима-паши. Такие фавориты прекрасно помнили о том, что всем достигнутым они обязаны милости султана и были безгранично преданы ему. В службе султану состоял смысл их жизни. Но фавориты чаще всего разделяли все достоинства и недостатки своего султана.

Сулейман Великолепный, лично наводивший порядок в государстве и хорошо разбиравшийся в людях, редко ошибался при выборе министров, военачальников, адмиралов. При нем продвижение по службе происходило благодаря реальным заслугам, а не протекции. Султаны же, погрязшие в разврате и пьянстве, обычно следовали рекомендациям своих жен и наложниц либо выдвигали на государственные посты своих любовников и собутыльников, порой совсем не приспособленных к управлению государством.

Несколько раз в неделю на территории сераля в особом здании под названием Куббеалты («шестикупольное») проходили заседания дивана (правительства), куда входили высшие сановники Османской империи: великий визирь, который неофициально является главой правительства и отвечает за политические, административные и военные дела империи, в отсут-

ствие султана являясь главнокомандующим армией; нишанджи, глава правительственной канцелярии; кадиаскеры Анатолии и Румелии, главные религиозные и юридические авторитеты соответственно европейских и азиатских провинций; дефтердар, министр финансов; и капудан-паша, великий адмирал. На заседаниях дивана председательствует великий визирь, а султан на них иногда лишь незримо присутствует, находясь в небольшой ложе, отделенной от зала заседаний решеткой, имея возможность в случае необходимости вмешаться в ход заседания. Такой порядок завел еще Мехмед Завоеватель. Из этого помещения было видно и слышно все, что происходит в зале заседаний, но члены дивана не могут видеть, находится ли в данный момент султан в своей ложе. Сулейман Великолепный, как его отец Селим I, лично контролировал течение государственных дел. Он определял повестку дня заседаний дивана, а великие визири действовали только в пределах полученных от султана директив.

Сулейман наделил великого визиря значительными полномочиями, фактически сделав его главой дивана и своим заместителем в государственных делах. Но ответственность за решение всех государственных вопросов, начиная от назначения пенсий и кончая объявлением войны и заключением мира, целиком осталась за султаном.

В царствование Сулеймана великий визирь, не имея официальной резиденции, располагался вместе со своим ведомством в одном из дворцов за пределами сераля.

Позднее султаны в подавляющем большинстве потеряли всякий интерес к заседаниям дивана и реальная власть перешла к великим визирям, будучи ограничена только присланной им султаном удавкой.

Таким образом, к тому моменту, когда Сулейман Великолепный унаследовал трон, Османская империя все еще находилась на подъеме и никто не думал о грядущем упадке. У молодого наследника не было соперников в борьбе за престол, зато были честолюбивые замыслы. Посмотрим, в каком состоянии оставил отец Сулеймана I Селим I Османскую державу.

Наследие Селима Грозного

Будущий султан Сулейман I Великолепный родился 6 ноября 1494 года в Трабзоне в семье султана Селима I и Айши Султан, дочери крымского хана Менгли I Гирея. О детстве и юности Сулеймана почти ничего неизвестно. Будущий великий завоеватель и законодатель получил образование в дворцовой школе в Стамбуле. По преданию, он большую часть юности провел за книгами и духовными занятиями, будучи правоверным мусульманином.

Сулейман получил также достаточный административный опыт в качестве губернатора нескольких провинций, но к моменту восшествия на престол не имел еще никакого военного опыта. До 1512 года он был беглербегом (наместником) султана в крымской Каффе, а потом занял тот же пост в Манисе (Магнесия).

Будущий султан сочетал в себе опыт и знания; будучи человеком действия, с сильным характером, не терпел противодействия своей воле. При этом Сулейман был человеком культурным и прирожденным дипломатом, умевшим усыплять бдительность своих внешнеполитических противников, а затем искусно закреплять свои завоевания в ходе мирных переговоров.

Для Сулеймана чрезвычайно важна была идея своего долга как «Предводителя правоверных». Если его отец, султан Селим I, считался покорителем Востока, то его сын мечтал о лаврах покорителя Запада. Сулейман рассчитывал превратить Средиземное море в «Османское озеро», сокрушить две могущественные европейские империи, Испанскую и Германскую, и стать гегемоном в европейских делах. Но, конечно, о завоевании всего Европейского континента Сулейман даже не думал, понимая всю утопичность подобного проекта.

В Азии же Сулейман надеялся завершить дело своего отца и окончательно разобраться с Сефевидами. Тогда в исламском мире осталась бы только одна империя – Османская и только один духовный предводитель мусульман.

Отец Сулеймана считался одним из самых удачливых полководцев Османской империи и в то же время одним из самых кровавых турецких султанов. К концу XV века империя включала в себя Малую Азию, Сербию, Болгарию, Грецию, Албанию, Боснию, Герцеговину. Кроме того, ее вассалами являлись княжества Молдавия и Валахия и Крымское ханство. XVI столетие в истории Османской империи характеризуется непрерывными завоевательными войнами как на Западе, так и на Востоке. Начало им положил султан Селим I. Он не случайно получил прозвище Грозный. По жестокости отец Сулеймана Великолепного не уступал русскому царю, имевшему то же прозвище, но жившему немного позднее. Селим по восшествии на престол приказал казнить всех родственников по мужской линии, которые могли бы стать его конкурентами. Да и его отец, султан Баязид II, добровольно отрекшийся от престола в пользу Селима, умер подозрительно быстро после отречения, всего через месяц, и вполне возможно, был отравлен по приказу сына.

В 1511–1512 годах Малая Азия была охвачена восстанием шиитов под предводительством шейха Шах-кулу (или Шайтан-кулу). Тяжелые бои с мятежниками османским войскам пришлось вести в районах Сиваса и Кайсери. После подавления восстания Шах-кулу Селим в 1513 году устроил в Анатолии жестокую резню мусульман-шиитов, которых турки-сунниты считали еретиками и агентами иранского шаха. Было истреблено 40–45 тысяч человек в возрасте от 7 до 70 лет. В то время шииты составляли четыре пятых населения Малой Азии, и турецкий султан столь бесчеловечным образом очистил от них приграничные области, готовясь воевать с могущественным сефевидским шахом-шиитом Исмаилом I, владевшим Ираном, Ираком, Афганистаном и Средней Азией.

В 1518 году вспыхнуло новое крупное восстание в Малой Азии, на этот раз под руководством крестьянина Нур Али. Центром восстания были районы Карахисара и Никсара, оттуда оно распространилось до Амасьи и Токата. На этот раз поднялись как шииты, так и сунниты.

Восставшие и здесь требовали отмены поборов и повинностей. После неоднократных боев с султанскими войсками восставшие рассеялись по деревням. Но вскоре новое восстание, возникнув в 1519 году в окрестностях Токата, в короткий срок охватило всю Центральную Анатолию. Количество восставших достигало 20 тыс. человек, но для регулярных войск его подавление не представляло труда. Руководителем этого восстания был шейх Джелал из Токата, в честь которого последующие восстания такого рода стали называться «джелали». Повстанцы взяли Карахисар и двинулись на Анкару. Селим послал против них янычар под командованием румелийского бейлербея, которые разбили мятежников под Акшехиром. Джелали из Токата попал в плен и был предан мучительной казни.

В мае 1514 года армия Селима вторглась в Иран. Племена кызылбашей, тюрок-шиитов, к которым принадлежал и шах Исмаил, отступали в глубь Ирана, применяя тактику выжженной земли, уничтожая запасы продовольствия, угоняя скот и отравляя колодцы. Однако Селиму удалось вынудить армию кызылбашей 23 августа принять битву в Восточной Анатолии. В этой битве при Чалдыране армия шаха Исмаила была разбита наголову, а сам шах едва спасся бегством. Армия Селима I насчитывала около 60 тыс. человек. Ее основную часть составляли регулярные войска: пехотинцы-янычары и сипахи-кавалеристы. Турецкая пехота была вооружена огнестрельным оружием и имела сильную артиллерию. Иранская армия насчитывала около 50 тыс. человек, но состояла главным образом из конного ополчения тюркских племен. Она не имела пехоты и почти не имела огнестрельного оружия.

Бой начался атакой янычар, которых, однако, остановила и обратила в бегство контратака тяжелой кавалерии кызылбашей – джангеваров. Джангеваров, в свою очередь, атаковали сипахи, но также были отбиты. Шах Исмаил бросил в атаку также легкую кавалерию. Но когда его всадники приблизились на дистанцию артиллерийского огня, их передовые ряды были буквально сметены с лица земли. Стало ясно, что отступление янычар и сипахов было лишь заранее подготовленным маневром, призванным заманить кызылбашей в ловушку. Иранская армия бежала с поля боя во главе с шахом, потеряв убитыми до 5 тыс. человек, но сохранив основные силы. Турецкие потери, по некоторым оценкам, составили около 2 тыс. убитых. Кызылбаши вынуждены были уйти из Анатолии, а столица империи Сефевидов была перенесена из приграничного Тебриза, в который через две недели после битвы вступили османские войска, в Казвин. Захватив Тебриз, Селим I вывез оттуда громадную военную добычу, в том числе всю казну шаха Исмаила, а также отправил в Стамбул тысячу лучших иранских мастеров для обслуживания нужд своего двора. Иранские мастера основали производство в Турции цветной керамики. Однако из Тебриза войска Селима ушли, опасаясь суровой зимы. С собой они захватили гарем и казну шаха Исмаила. Однако после ухода турок иранский властитель отвоевал Юго-Восточную Анатолию и посадил турецкий гарнизон в Диярбакыре.

В начале 1515 года в Амасье вспыхнул бунт янычар, не желавших участвовать в новом походе против Ирана и сражаться против единоверцев-мусульман. После его подавления Селим завоевал княжество Эльбистан на юге Анатолии, полностью истребив правящую династию, и освободил от осады Диярбакыр. Иранская армия была вновь разбита при Кочхисаре. Союзные туркам курдские отряды заняли Месопотамию (Ирак).

В августе 1516 года армия Селима вторглась во владения египетских мамлюков. 5 августа она перешла границу. Султан мамлюков Кансух аль-Гури с 60-тысячной армией (в том числе 12—15 тыс. мамлюков) занял позицию к северу от Халеба (Алеппо). 24 августа на Дабикском поле (Меердж-Дабик) состоялось решающее сражение.

Мамлюки были сильны своей тяжелой кавалерией, считавшейся лучшей на Ближнем Востоке. Но ручного огнестрельного оружия и пушек в войске мамлюков было мало. Учитывая это, Селим разместил пехоту и артиллерию таким образом, чтобы они могли быстро укрыться за рядами связанных телег и древесными завалами. Оттуда они могли безопасно обстреливать противника.

В начале боя мамлюки легко отбили атаку синахской конницы, но атаки знаменитой конницы мамлюков разбились об огонь османской артиллерии и пехоты, укрывшейся за вагенбургом. Султан Египта Кансух аль-Гури погиб в битве. По одной из версий, он покончил с собой. Египетский историк XVI века Ибн Ийас Мухаммед так писал о гибели Кансуха аль-Гури: «Говорят, что, убедившись в поражении, он принял яд из перстня, который всегда был при нем, и, когда яд проник внутрь, он потерял сознание, упал с лошади и умер в одночасье».

В сентябре Селим занял Сирию, а к концу ноября – всю Палестину. В Сирии Селим I вчетверо снизил налоги и торговые пошлины, что привлекло на его сторону местное арабское население.

Новый султан Египта Туман-бей, племянник Кансуха аль-Гури, отправил в Палестину 10-тысячный отряд, который был разбит 25 декабря 1516 года при Бейсане. В январе 1517 года османы вторглись в Египет и взяли Каир, вынудив Туман-бея бежать. 22 января 1517 года произошло сражение при Риданийи. В ходе артиллерийской дуэли османы быстро подавили египетские батареи, разбив большинство неприятельских пушек, так как в 40-тысячном войске мамлюков не было хороших артиллеристов. Селим окружил противника. Туман-бей с остатками армии бежал. Но через несколько дней вернулся и с небольшим войском попытался отбить Каир. Османы в ходе боя с Туман-беем убили до 50 тысяч мирных жителей, а после отступления Туман-бея Селим приказал обезглавить 800 мамлюкских беев, взятых в заложники. Туман-бей ушел в дельту Нила, где вскоре был схвачен египетскими бедуинами и выдан Селиму, который торжественно повесил незадачливого султана 13 апреля 1517 года под аркой ворот Каира. Из египетской столицы Селим вывез драгоценную утварь и казну мамлюков. В том же месяце турецкому султану прислали ключи от Медины и Мекки, весь Хиджаз признал его своим повелителем, равно как и Йемен, незадолго перед войной с османами захваченный мамлюками.

С мамлюками Селим стремился поладить. Из них он создал «корпус черкесов» («Джамаат аль-джеракис»). Мамлюкам вернули оружие и стали платить жалованье. В Диярбекире, Халебе (Алеппо), Мосуле и Дамаске Селим разместил янычарские гарнизоны. Но в Египте он янычар не оставил.

В 1518 году Селим I заключил мир с Венгерским королевством, признав существующие границы на Балканах. В том же году османским вассалом стал адмирал магрибских пиратов Хайреддин Барбаросса, благодаря чему турки получили сильный флот на Средиземном море. Селим I пожаловал Барбароссу титулом бейлербея Джезаир-и Гарп (Западного Алжира), прислал ему соответствующий фирман и знаки достоинства: саблю, бунчук и барабан. Барбаросса стал чеканить монету со своим именем. Что еще важнее, он получил турецкие пушки, мушкеты и другое оружие, а также разрешение вести набор добровольцев для службы в Алжире от имени султана. Этим добровольцам были дарованы права и привилегии янычар. Вскоре в Алжир прибыли первые 4 тыс. добровольцев-муджахидов (борцов за веру).

До сих пор среди историков не утихают споры, был ли Хайреддин Барбаросса обыкновенным пиратом и грабителем, которого интересовала только добыча, или перед нами великий адмирал, чья слава сравнима со славой сэра Фрэнсиса Дрейка, выдающегося британского флотоводца и корсара. Вероятно, ближе к истине вторая версия. Вряд ли простой пират-грабитель смог бы завоевать для Османской империи господство на Средиземном море и неоднократно побеждать именитых европейских адмиралов.

Барбаросса стал настоящим создателем османского флота. И до сих пор, по традиции, при прохождении караванов судов через Босфор в его честь салютует пушка. Таких великих адмиралов у турок больше никогда не было.

Барбаросса родился в 1466 году на Лесбосе в семье бывшего офицера янычарского корпуса, вышедшего в отставку, и гречанки, вдовы православного священника по имени Катерина. Отец вскоре умер, и семья осталась без средств к существованию. Хайреддин начал зарабаты-

вать на жизнь гончарным делом, благо отец оставил ему в наследство небольшую гончарную мастерскую. Но скоро это сугубо мирное занятие ему наскучило, хотя кусок хлеба, да еще и с маслом, гончарный промысел давал. И Хайреддин присоединился к пиратам, среди которых уже был его брат Арудж. Братья совершали лихие налеты на испанское и североафриканское побережье. Но Арудж вскоре умер, и алжирских пиратов возглавил Хайреддин, получивший прозвище Барбаросса.

Османской империи как раз нужен был могущественный флот, чтобы господствовать в Средиземноморье. Можно сказать, что Селим Грозный, а потом Сулейман Великолепный и Хайреддин Барбаросса нашли друг друга. Сулейман стал субсидировать пиратов Барбароссы и строить для них хорошие корабли в Измире. В качестве команд туда набирали бродяг и авантюристов из всех стран, причем преобладали христиане – итальянцы, греки, датчане, норвежцы. Многие из них, достаточно равнодушно относясь к вопросам веры, охотно принимали ислам. Они искренне называли себя мусульманами, однако пили вино в большом количестве, а во время успешных походов набирали много невольниц, которых нередко делали своими женами или продавали как рабынь на рынке.

В начале 1520 года шах Исмаил поддержал восстание кызылбашей в Анатолии, которых возглавил Шах-вели. Селим предпринял новый поход и разбил мятежников в центральной и северо-центральной Малой Азии. Шах-вели был казнен, его тело было публично расчленено, чтобы запугать его сторонников и всех потенциальных бунтовщиков.

Так, более чем удвоив территорию Османской империи, создав современную артиллерию и обеспечив империю мощным флотом, Селим I создал все условия для продолжения завоеваний.

Таким образом, отец оставил Сулейману империю, можно сказать, в превосходном состоянии. Под контролем османов оказалась большая часть восточного побережья Средиземного моря, они захватили удобные позиции для продолжения войны с Ираном. Многочисленная армия была оснащена самым современным огнестрельным оружием и в этом отношении превосходила все соседние государства. Ее ядро составляли профессиональные пехота и конница, подкрепленные конным ополчением. Что еще важнее, в конце своего царствования Селим успел обрести мощный флот, хотя так и не использовал его в сражениях. А поскольку братьев у Сулеймана не было, ему не пришлось в самом начале царствования вести междоусобную борьбу за престол. В этом отношении ему чрезвычайно повезло. Предшественники Сулеймана, в том числе его отец, равно как и многие преемники, вынуждены были прокладывать дорогу к трону по трупам своих менее удачливых братьев и племянников. Он имел возможность бросить все силы для новых завоеваний. Можно сказать, что Сулейман пришел на готовенькое. Но нельзя не признать, что он достаточно эффективно распорядился доставшимся ему наследством.

Восшествие на престол

Когда 22 сентября 1520 года в возрасте 54 лет от чумы в городе Эдирне скончался его отец султан Селим I, готовивший экспедиции на остров Родос и в Индию, Сулейман был беглербегом в Манисе (Магнесия), провинции на юго-западе Малой Азии. Это была традиционная должность для наследника престола.

Армия всецело подчинилась новому султану, и никаких мятежей не вспыхнуло ни на Балканах, ни в Малой Азии.

Единственным неприятным исключением стала только что присоединенная Сирия. Бедуины и мамлюкская знать подняли мятеж, отказавшись присягать новому султану. Они мечтали о возрождении мамлюкского государства. Мятеж возглавил сам правитель Сирии Джанберди аль-Газали. Он провозгласил отделение Сирии от Османской империи 31 октября 1520 года. Мамлюки истребили турецкий гарнизон в Дамаске и изгнали турок из Бейрута, Триполи и других городов.

Однако мятеж этот не получил широкой поддержки. Египетские мамлюки не встали на сторону своих сирийских собратьев, а арабское крестьянство и горожане Сирии держали нейтралитет. К мятежникам присоединились только друзы, а также бедуины Джебель-Наблуса. Иоаннитские рыцари прислали с Родоса пушки, но они восставшим не помогли.

27 января 1521 года в сражении при Мастабе близ Дамаска войско мамлюков было разгромлено, а Джанберди аль-Газали, переодевшись дервишем, бежал, но был схвачен и 6 февраля казнен.

Когда Сулейман взошел на престол, многие в Европе вздохнули с облегчением. Папа римский даже повелел читать благодарственные молитвы. Ведь Селим Грозный умер в тот момент, когда собирался обрушить мощь своей армии на Европу.

Венецианский посланник Бартоломео Контарини через несколько дней после восхождения Сулеймана на престол так писал о новом султане: «Ему не более двадцати пяти лет, он высокий, крепкий, с приятным выражением лица. Его шея немного длиннее обычной, лицо тонкое, нос орлиный. У него пробиваются усы и небольшая бородка; тем не менее выражение лица приятное, хотя кожа чересчур бледная. О нем говорят, что он мудрый повелитель, любящий учение, и все люди надеются, что он будет править справедливо».

Когда епископ Ночерский, итальянский историк и придворный врач римских пап Паоло Джовио сравнил различные донесения из Константинополя, он сделал следующий прогноз: «Все согласны с тем, что свирепому льву наследовал мягкий ягненок… Сулейман молод, неопытен и во всяком случае отличается спокойным нравом».

Как же ошибались почти все современники! Только кардинал Уолси сказал о Сулеймане послу Венеции при дворе короля Генриха VIII: «Этому султану Сулейману двадцать шесть лет, он не лишен и здравого смысла; следует опасаться, что он будет действовать так же, как его отец». В новом султане кардинал увидел прежде всего завоевателя, продолжателя дела своего отца, который первым превратил Османскую империю в гегемона Средиземноморского региона. И Уолси, к несчастью для Европы, не ошибся.

Начало правления Сулеймана было весьма либеральным. Он освободил несколько сот знатных египетских семей, которые Селим I держал в заключении. Для будущих войн султану нужны были не рабы, а союзники среди покоренных народов. Сулейман также вернул конфискованные имения многим турецким феодалам, чтобы они могли выставлять воинов для новых войн.

Сулейман отменил запрет на ввоз персидских товаров, поскольку пока хотел сохранить мир с Персией, и казнил нескольких преступников.

В то же время с первых дней царствования новый султан мечтал о мировом господстве. Подобно Александру Македонскому, Сулейман хотел объединить в одной империи народы Востока и Запада, но под знаменем мусульманской религии.

В международной политике первым шагом Сулеймана Великолепного стало предложение Венгрии о выплате дани в обмен на завершение набегов. Однако венгры ответили отказом, да еще неподобающим образом обошлись с османским послом. По одной из версий, впрочем, кажущейся малодостоверной, послу султана венгры отрезали нос и уши и отправили обратно, что формально и послужило поводом к новой войне. По другой версии, посол был брошен в тюрьму, но нос и уши его остались в целости и сохранности, по третьей версии, ему просто отрубили голову, а по четвертой, представляющейся наиболее вероятной, посол целым и невредимым вернулся к султану с сообщением об отказе венгров выплатить дань. Сам этот отказ давал Сулейману желанный предлог для войны. Покорение Венгрии должно было обеспечить османам контроль над значительной частью Дуная – важного торгового пути средневековой Европы – и обеспечить плацдарм для дальнейших завоеваний в Центральной Европе.

Войны и завоевания. Первый поход против Венгрии

Сулейман Великолепный унаследовал от отца Селима I хорошо организованную и многочисленную армию. Ему удалось поднять военную мощь Османской империи на невиданную прежде высоту. По некоторым оценкам, турецкая армия в период его правления достигала 150—200 тыс. человек. В 1514 году на жалованье состояло 10 156 янычар и 5088 всадников корпуса капыкулу, а в 1567 году, через год после кончины Сулеймана Великолепного, их число возросло до 12 798. Янычары были одеты в синие суконные кафтаны и шаровары, в кожаные башмаки, на голове была желтая феска, а подпоясывались такого же цвета поясным шарфом. Вооружение состояло из мушкета, боевого топора, который мог также использоваться как метательное оружие, и сабли. Во времена Сулеймана Великолепного янычары также были вооружены ятаганами (холодным оружием с длинным однолезвийным клинком, имеющим двойной изгиб), стальными дротиками или короткими, с упругой тетивой, турецкими луками.

Копий, в отличие от европейской пехоты, турецкие пехотинцы не использовали или использовали сравнительно мало. В ходе египетского похода в 1523 году из 12 тыс. янычар лишь 3–4 тыс. были вооружены древковым оружием. В битве при Мохаче построенные в 9 шеренг янычары непрерывным огнем из тюфенков расстроили атаки венгерской конницы, после чего венгры были опрокинуты османской конницей. В венгерской кампании 1532 года из 10 тыс. янычар уже 9 тыс. были вооружены тюфенками, и только 1 тыс. – копьями.

Султан всегда был окружен подразделением личной охраны, состоявшим из стражников-солаков. Это были опытные ветераны янычарского корпуса. Они по ночам занимали посты недалеко от шатра султана. В походе его сопровождали еще курьеры (пейки), которые доставляли его послания во все концы империи.

Янычары и другая османская пехота, не имевшая, как правило, доспехов, были уязвимы как от огня неприятельских стрелков, так и от атак вражеской конницы. Поэтому, сохранив основу своей привычной и испытанной тактики, прагматичные турецкие военачальники усовершенствовали ее с учетом тех технических новинок, которые заимствовали у соседей. Они научились быстро возводить деревоземляные укрепления на поле боя, стали прибегать к использованию деревянных ростовых щитов-чапаров и вагенбургов. Турки издавна использовали лагерь-табор в форме поставленных в круг обычных повозок для обороны, а практика европейских армий, в частности чехов-гуситов, позволила усовершенствовать эти защитные сооружения. Без надежной защиты янычары и подкреплявшие их секбаны-тюфенгчи (стрелки), вооруженные медленно заряжавшимися и недостаточно меткими фитильными ружьями, не всегда могли отразить натиск тяжелой конницы. Поэтому турецкие военачальники стали применять оснащенные малокалиберной артиллерией боевые повозки, которые первыми использовали воины-гуситы и чешские наемники в венгерской армии.

Армия Сулеймана состояла из пехоты, артиллерии, кавалерии и обоза. Пехота была основным родом войск и состояла главным образом из янычар. Их начальник – ага янычар – пользовался значительным влиянием при дворе. Он также возглавлял полицию Стамбула, за исключением территорий дворца, Святой Софии и Ипподрома, которыми ведала полиция под руководством джебеджибаши, шефа оружейников. А бостанджибаши, глава садовников сераля, а фактически шеф телохранителей султана, осуществлял охрану всех султанских резиденций.

Янычары получали государственное жалованье и комплектовались из христианских юношей, которых в возрасте 7–12 лет помещали в казармы и воспитывали в духе мусульманского фанатизма в турецких семьях в Анатолии, а потом в училищах в Стамбуле или Эдирне (Адрианополе).

Корпус янычар в мирное время дислоцировался в Стамбуле. Командующий кавалерией сипахи-ага имел гораздо меньшее влияние, чем ага янычар.

Артиллерией командовал топчу-баши.

Янычары были главной ударной силой армии султана, а также использовались в качестве гарнизонной охраны в важнейших городах и крепостях империи, прежде всего на Балканском полуострове и в арабских странах, где всегда существовала опасность вооруженного восстания местных племен и народов.

В Стамбуле были построены две крупные мастерские, Топхане и Джебхане, работавшие на султанские арсеналы. Месторождения медных руд позволяли лить пушки из меди, которые гораздо реже разрывало при выстреле, чем чугунные орудия, преобладавшие в Европе.

Постоянное войско султана (оджак) составляли янычары (пехота), сипахи (кавалерия), топчу (артиллеристы), топарабаджи (транспорт), джебеджи (оружейники).

Все янычары воспитывались в духе мусульманского фанатизма и считались дервишами ордена бекташиев; вплоть до XVI века им запрещалось вступать в брак, но при Сулеймане Великолепном у них уже было право иметь семьи и имущество.

Янычары делились на 229 орт, а орта – на оды. Ода – это число солдат, размещенных в одной комнате казармы и питающихся из одного котла (казана), который был одним из символов янычар. В Стамбуле была дислоцирована примерно треть янычарского корпуса – 77 орт, насчитывавших во времена Сулеймана Великолепного 4 тыс. человек. В столице также дислоцировалось 1500 кавалеристов.

В мирное время янычары не носили своего обычного оружия, а только дубину и нож.

Вот описание жизни янычар, относящееся уже к XVII веку: «Все это воинство проживает в казармах, включающих в себя значительное число комнат. В каждой комнате имеется свой командир, свой казначей (эконом), свой водонос. Помимо обычного жалованья император ежегодно одаряет каждого янычара полукафтаном из отменного сукна, которое производится в Салониках, и ежедневно велит их потчевать рисом с мясом, а также кормить хлебом…»

Пили янычары бузу – напиток из ячменя и проса, напоминающий пиво.

В Стамбуле существовал специальный склад сукна, предназначенного для обмундирования янычар. Там хранилось синее сукно из Салоник. Один раз в год, в Ночь предопределения (Кадир геджези), янычары приходили в это хранилище и получали 10 аршин сукна и по отрезу муслина – на тюрбаны и рубахи. Кафтаны, тюрбаны и рубахи шили для янычар государственные портные и шляпники.

На год янычарам полагался всего один комплект одежды, который они должны были сами стирать и чистить. На карманные расходы им выдавались мелкие серебряные деньги, на которые приходилось ежедневно покупать суп и хлеб. За необходимость подчиняться суровой дисциплине во время пребывания в турецких городах и постоянные и утомительные военные упражнения янычары надеялись с лихвой вознаградить себя грабежом во время войн. Рассчитывали они и на султанское вознаграждение за отличие в боях.

Сулейман перед началом очередной военной кампании стал призывать под знамена конных и пеших добровольцев, вооруженных огнестрельным оружием – тюфенгчи. Позднее их стали именовать секбанами. Перед началом кампании султан рассылал местным властям соответствующий указ, в котором определялся порядок набора отрядов добровольцев – секбан булюклери, их вооружение и срок службы. В указе определялся также размер подъемных (бакшиш), который получал каждый завербовавшийся, и размер жалованья, выдававшегося авансом на весь срок службы. Губернатор (бейлербей), получив такой указ, выбирал опытных капитанов – булюк-баши, которые должны были набирать и командовать отдельными отрядами конных или пеших секбанов (организованные по десятичному принципу, они, как правило, имели по 50 или 100 воинов). Над булюк-баши ставился их начальник – баш булюк-баши,

командовавший всеми отрядами секбанов в санджаке или бейлербейлике. Булюк-баши, по сути, были кадровыми офицерами, а секбаны имели славу хороших стрелков.

Во времена Сулеймана у турок была возможность покупать или производить самим сравнительно дешевое огнестрельное оружие. Так, фитильный мушкет турецкого производства стоил в конце XVI века от 300 до 600 акче, что было в 2–3 раза меньше, чем хороший конь. Отряды наемников-левендов, вооруженных огнестрельным оружием, к концу XVI века, как отмечает ведущий современный турецкий историк Халил Иналджик, не просто стали «одним из наиболее эффективных родов войск османской армии», но смогли существенно потеснить традиционные воинские формирования, даже тимариотскую конницу. Последнюю составляли тимариоты, держатели тимара – военного лена, за который они обязаны были нести военную службу султану, формируя тяжеловооруженное конное ополчение. Каждый тимариот или займ должен был выставить одного джебели (конного воина) на каждые 3 тыс. акче дохода, а средний доход с одного тимара в XVI веке составлял около 20 тыс. акче. Как писал в своем трактате «Асаф-наме» великий визирь султана Сулеймана Великолепного Лютфи-паша, «имеющий тимар в шесть тысяч акче выставляет двух джебели, а тимар в десять тысяч акче – трех джебели. С зеамета в двадцать тысяч акче его владелец выставляет четырех джебели». По переписи 1525 года, тимариотами числились 37 818 человек (очевидно, вместе с выставляемыми ими джебели).

Сипахами называлась та часть тимариотов, которая входила в постоянный султанский корпус. Они носили тюрбанные шлемы с бармицами и защитой лица. Сипахи носили и иные типы шлемов, например, шишаки. С XVI века в качестве защитного вооружения получили распространение карацены (чешуйчатые броневые доспехи). В бою сипахи использовали щиты-калканы, а с появлением огнестрельного оружия – аркебузы и сабли.

В случае уклонения сипаха от участия в военных действиях его тимар передавался в казну. После смерти сипаха доход мог оставаться за его семьей, если сын или другой ближайший родственник продолжал его дело.

Достойных мест в государственной иерархии в Османской империи XVI века можно было добиться только благодаря собственным способностям. В отличие от Европы родственные связи здесь в то время были бессильны. Постоянный отбор людей, способных к государственной службе, распространялся даже на янычар. По закону, сыновья янычар не могли претендовать на особое право вступать в их боевое братство. Первоначально янычары не должны были даже заводить семьи, хотя многие из них делали это тем или иным способом. Сулейман постарался облегчить участь янычар, разрешив им брать жен. Но после этого пришлось снять препоны на прием в янычары сыновей тех, кто состоял в братстве. Корпус янычар постепенно превращался в своего рода военных поселенцев, которые уже при ближайших преемниках Сулеймана больше занимались хозяйством, а не военной подготовкой, и стремились не к новым походам, а к тому, чтобы подольше задержаться в Стамбуле, чтобы получить щедрые выплаты от султанов и их фаворитов, а при случае поучаствовать в свержении очередного султана за щедрое вознаграждение, в том числе земельными пожалованиями, в случае успеха.

Чиновники пытались помогать своим родственникам, но были очень ограничены в этом законом. По закону чиновник, например талантливый дефтердар, казначей Мехмет Челеби, не мог назначать родственников на должности в сфере своей административной власти. Челеби мог взять к себе в помощники Соколлу, хорвата, окончившего закрытую школу, но не собственного сына. Среди турок не допускался непотизм. Даже сам султан не мог принять на государственную службу родственника. Его сестры и дочери отдавались в жены выдающимся деятелям, которым не разрешалось иметь жен, в жилах не текла султанская кровь. Мужчинам от таких браков разрешалось служить в государственных учреждениях или простыми армейскими офицерами, хотя обычай запрещал им претендовать на высшие государственные посты, чтобы между ними не возникало конфликтов по поводу наследования таких постов. Этот непи-

саный закон неукоснительно соблюдался. Например, дети Ибрагима-паши не могли рассчитывать на то, чтобы приблизиться к трону при содействии отца.

С 1533 года вдоль венгерской границы была учреждена новая система тимаров. В отличие от прежней теперь сипахи вместо проживания в имениях обязаны были нести постоянную службу в пограничных стратегически важных городах совместно с воинами местных гарнизонов.

С самого начала своего правления Сулейман увеличил регулярную армию, численность янычар и сипахов. Ко времени его смерти всего жалованье из государственной казны получали 48 316 солдат, причем это жалованье было удвоено сразу после того, как Сулеймана «опоясали мечом Османа», т. е. он вступил на престол.

Сулейман преобразил корпус янычар, которые до него больше напоминали нищих монахов-дервишей. Он ослабил для них аскетические ограничения, позволив употреблять более разнообразную пищу. Сулейман разрешил янычарам вступать в брак, а также позволил рекрутировать в янычарский корпус турок.

Что же касается личных заслуг султана в военной сфере как полководца, то, как это ни парадоксально, они состояли, как представляется, прежде всего в том, что он не давал совершать армии. Начиная с Родоса и кончая Мальтой, в течение сорока четырех лет Сулейман не разрешал аскерам предпринимать карательные операции, удерживал их от неоправданных реквизиций зерна у земледельцев стран, где велись военные действия, не позволял очертя голову преследовать врага, понимая, что его войско тогда может угодить в засаду. На европейском театре Сулейман также никогда не увлекался осадами крепостей, в любом случае завершая их до наступления холодов. Он прекрасно сознавал, что для не приспособленной к ведению боевых действий в осенне-зимний период в Европе турецкой армии зимняя осада может обернуться катастрофой.

Дважды в условиях приближавшейся зимы, находясь на значительном расстоянии от Турции, Сулейман Великолепный выводил армию из горных местностей в Европе и иранском Азербайджане, где были сосредоточены вражеские армии. Султан благополучно довел армию из Вены в Константинополь, из Тебриза – в Багдад. Для Наполеона в Москве подобная операция оказалась непосильной и в итоге закончилась гибелью «Великой армии».

По свидетельству османских писателей, только под началом румелийского губернатора-вали, согласно реестрам, состояло 12 тыс. сипахов и 18 тыс. выставляемых ими джебели, не считая сверхштатных. А по словам Кочибея Гёмюрджинского, «для того чтобы дать отпор немецкому королю, волею Всевышнего, достаточно было одного только румелийского войска…».

Несмотря на появление и активное использование османами огнестрельного оружия, луки и арбалеты сохранялись на вооружении вплоть до середины XVII века, но лишь как вспомогательное оружие. Хотя фитильная аркебуза (но, конечно, не мушкет) уступала луку и в скорострельности, и в дальности прицельного выстрела, и в определенной степени в бронебойности. Численность артиллерии османской армии в 1567 году составляла 2671 человек, а тяжелая конница султанского корпуса капыкулу – 6964 всадника. Огнестрельное оружие османы позаимствовали у европейцев всего лишь через какие-нибудь 30 лет после его появления в Европе.

В соответствии с древней кочевнической традицией большое султанское войско делилось на 5 «корпусов». Как писал османский историк Хюсейн Хезарфенн, «армию от 4000 до 12 000 человек называют «харар», а еще ее называют «хамис». Название «хамис» (пять) используют потому, что она имеет пять основных частей: центр (сердце) – это место, где находится падишах; «меймэне» – так называют правое крыло армии, «мейсэре» – так называют левое крыло армии; «талиая» – это название авангарда, являющегося боевым дозором; имеется также «дондар»(арьергард)…».

Хюсейн Хезарфенн, давая султану советы относительно организации военных действий, особо отмечал, что наряду с выбором грамотного, толкового военачальника, «прежде всего необходимы меры по обеспечению войск съестными припасами и фуражом, чтобы не остаться голодными и без воды». Однако на практике именно логистика (снабжение) оставалась ахиллесовой пятой османской армии, резко ограничивая ее возможности вести боевые действия в суровых погодных условиях.

Для подготовки очередной военной кампании считалось необходимым заготовить продовольствие и фураж только на шесть дней похода. Дальше, как предполагалось, войска будут снабжаться за счет местного населения. Но это дальнейшее снабжение целиком зависело от того, насколько населенной является территория, по которой предстоит пройти османскому войску, и есть ли там в достаточном количестве подножный корм для лошадей и других животных. Поэтому передвижение по малонаселенной, пустынной или предварительно разоренной врагом местности совершалось крайне медленно и вело к большим потерям людей и животных. А вот запас ядер, пороха, фитиля и прочих боеприпасов сразу же брали с собой из Стамбула в расчете на всю предстоящую кампанию, поскольку было понятно, что пополнить его во время похода, а тем более во время ведения боевых действий, уже не удастся. Подробнейший перечень военных материалов, необходимых в походе, приводит, например, все тот же Хюсейн Хезарфенн в своем описании подготовки султанской армии к кампании 1594 года. Помимо разнообразного оружия, как холодного, так и огнестрельного, и свинца для пуль, необходимо было взять порох в количестве 5000 кантаров (примерно 275 тонн), ватную нить для ружейных фитилей в количестве 200 кантаров (примерно 11 тонн), веревки, 5000 лопат, 400 топоров и заступов, пилы, плотницкий инструмент, запасную упряжь, бумагу, серу, воск, масло минеральное и растительное, клей, запасные колеса и оси, цепи, доски, дрова и т. д.

Турецкий писатель XVII века Кочибей Гёмюрджинский в своем трактате напоминал султану, что «с правой стороны вашей ходят отряды слуг ваших сипахиев под красным знаменем, а слева от вас идут отряды силяхдаров под серым знаменем. Впереди шествуют слуги ваши – янычарская пехота в 20 000 ружей. С одного крыла идет румелийский бейлербей с 30 000 румелийского войска и их знаменами, анатолийский бейлербей с 15 000 анатолийских войск, а с другого крыла сивасский бейлербей, караманский бейлербей, диарбекирский бейлербей, эрзурумский бейлербей, халебский бейлербей, сирийский бейлербей вместе с санджак-беями, которые сами в счет не идут. Мой могущественный повелитель находится в центре, а позади него «ич-огланы», знаменосцы и музыканты…».

Примерно таким же был боевой порядок турецкого войска и во времена Сулеймана Великолепного. По средневековой традиции сражение начинали застрельщики и поединщики. «Сердце» войска составляли янычары. Их первую тысячу сформировал внук Османа султан Мурад I, царствовавший в 1362—1389 годах. В дальнейшем отряды янычар были дополнены подразделениями конных воинов-сипахов (алты белюк халкы), артиллеристов (топчу оджагы), оружейников-джебеджи и обслуживающего персонала, образовав корпус капыкулу – султанской гвардии, постоянного войска, полностью находившегося на содержании султана. Буквальный перевод слова «капыкулу» – «рабы двора», что совсем не значит, что янычары и другие воины находились в рабском подневольном состоянии.

Главной целью жизни янычар и других солдат постоянного войска провозглашалась война против неверных, а основным занятием в мирное время были военные упражнения и маневры.

К моменту воцарения Сулеймана Великолепного, помимо корпуса капыкулу и тимариотской милиции, существовали полупрофессиональное пешее и конное поселенческое войско (яя ве мюселлем), отряды конных добровольцев-акынджи, дружины уджбеев, пешее ополчение – азапы, отряды кочевников-юрюков и воинские контингенты, выставляемые христианскими вассалами султана, – войнуки, мартолозы и др. Войско яя ве мюселлем набиралось из числа

свободных тюрок-общинников, освобожденных в мирное время от уплаты налогов и трудившихся на своих участках земли (чифтликах). В военное время эти воины, помимо военной добычи, получали небольшое жалованье. Азапы, пешие ополченцы, набираемые из числа свободных общинников по норме один полностью снаряженный воин от 20 семейств, воевали только за военную добычу.

Акынджи составляли иррегулярный конный авангард войска; они получали не лены, а только долю военной добычи и поэтому имели, равно как и азапы, репутацию свирепых грабителей (недаром немцы называли их мешочниками). Акынджи представляли собой легкую конницу, задача которой состояла в том, чтобы завлечь противника под удар пехоты.

Укрывшись за быстро возведенными дерево-земляными укреплениями – валами, рвами, траншеями, дополнительно укрепленными палисадами или щитами-чапарами, или же действуя под прикрытием вагенбурга, османская пехота и полевая артиллерия выполняли роль станового хребта боевого порядка войска. Они поддерживали атаку конницы и одновременно прикрывали ее отступление, давали ей возможность привести себя в порядок и повторить атаку. На этом строился тактический прием заманивания неприятельской конницы под удар артиллерии и пехоты.

Турецкая конница оставалась главным средством сокрушения вражеского боевого порядка. Зато пехота и артиллерия стали главным средством отражения неприятельских атак.

Стремительное развитие огнестрельного оружия и растущая насыщенность разными его видами европейских армий делала борьбу с ними для турок все более тяжелой, но Сулейман Великолепный в общем справлялся с этой задачей. Однако австрийцы и их союзники в Венгрии после Мохачской битвы избегали полевых сражений, ограничившись обороной крепостей, осада которых истощала силы армии Сулеймана. Европейские крепости укреплялись по новой системе и были способны выдержать огонь тяжелых осадных орудий.

Обобщая опыт ведения осад во времена расцвета османской военной мощи, при Селиме I и Сулеймане I, Хюсейн Хезарфенн рекомендовал султану следующий порядок ведения осады. Предварительно, «если возможно, надо окружить крепость со всех сторон. Из крепости не выпускать ни одного человека и снаружи никого не впускать. Захватить воду, которая проходит в крепость, и перерезать ее так, чтобы оставить население крепости без воды… Если нужно направить посла в крепость, то направляют какого-нибудь проницательного, умного, сведущего и знающего толк в деле человека, который исполнит порученную миссию надлежащим образом, а часть времени употребит на внимательное наблюдение и разведку. Возвратясь, он сообщит более точные сведения, что облегчит достижение победы. Если прибудет посол из крепости и в связи с этим увидит турецкое войско, то беспримерная стойкость и сила войска должны вселить в сердце посла такой ужас, что, вернувшись в крепость, он передаст этот ужас находящимся в крепости, и те при продолжении осады будут растерянны и станут допускать оплошности…».

Подготовка к штурму крепости заключалась в установке артиллерийских батарей и рытье апрошей, что позволяло максимально сблизиться с противником до начала штурма и минимизировать потери от неприятельских пушек, мушкетов, аркебуз и арбалетов.

Как писал Хюсейн Хезарфенн, «подойдя к крепости, исламские войска вначале останавливаются, дожидаясь, пока прибудут пушки. В течение нескольких дней авангард тимариотов и займов располагается на позициях и немедленно приступает к сооружению легких плетней – укреплений. Эти плетни делают открытыми с двух сторон наподобие большой винной бочки. Янычарам из порохового склада раздают порох, бомбы, запалы, а также дают лопаты и заступы. Бейлербеи также подготавливают свои войска. Под покровом ночи они устремляются прямо к крепости. Под прикрытием плетней выдвигают вперед пушки и с поспешностью начинают делать дороги и рыть окопы до тех пор, пока не сделают себе убежище. Каждую ночь бывает

вырыто какое-то количество земли. За это время теряют убитыми несколько человек. На следующую ночь снова продвигаются вперед, и так продолжается до рва крепости…».

В идеале сам штурм должен был начинаться только тогда, когда траншеи будут доведены до крепостного рва, артиллерия осажденных будет подавлена, а укрепления полностью разрушены или сильно повреждены.

Для производства земляных работ османская армия имела большое число землекопов и рабочих. За счет этого противники часто оценивали войско Сулеймана Великолепного и его преемников в 150–200 тыс. человек, тогда как его реальная боевая сила была в два-три раза меньше.

Показательно, что в ходе предпринимавшихся османами кампаний в 1521–1566 годах только четыре венгерские крепости сумели выдержать турецкую осаду, но при этом только одна из них, Кесег, была в 1532 году осаждена главной султанской армией.

Вступив на престол, Сулейман сразу же стал готовиться к завоевательным походам и расширению пределов Османской державы. Слабым звеном христиан на юго-востоке Европы было Венгерское королевство. В царствование самого великого из венгерских королей Матиаша (Матвея) Корвина королевство враждовало с Габсбургами. Корвин завоевал многие австрийские владения, включая Вену. Там он и умер в 1490 году. После смерти Матвея Корвина королевская власть в Венгрии резко ослабла. Своеволие магнатов, не желавших становиться под знамена королевской армии, ослабило военную мощь Венгрии.

Поэтому первую войну Сулейман начал с Венгерским королевством. Предлогом для нее, как мы уже убедились, стал отказ Венгрии платить дань и дурное обращение с султанским посланником, которого то ли убили, то ли отрезали у него уши, то ли в целости и сохранности отпустили восвояси, не выказав, однако, должного почтения.

В первом походе против венгров, предпринятом в 1521 году, Сулейман, демонстрируя свой демократизм, встал в очередь янычар за жалованьем и засунул в свой кошелек горсть серебряных монет. Султана никогда не видели в повозке, а только верхом.

Сулейман поддерживал в войске строгую дисциплину. По приказу султана знатный сипахи был избит палками за то, что затоптал крестьянские посевы, а пехотинец-янычар обезглавлен за кражу репы с огорода.

Главной целью похода стал Белград, входивший в то время в состав Венгерского королевства и занимавший ключевое положение на Дунае. Во время похода первой крепостью на пути османского войска стал Шабац. Его взяли после короткой, но ожесточенной осады. Пленных не брали, но часть гарнизона смогла прорваться к Белграду. Сулейман записал в дневнике:

«7 июля. Сообщают о взятии Шабаца. В лагерь доставлены сто голов солдат гарнизона города, которым не удалось уйти…

8 июля. Головы этих солдат помещены вдоль маршрута движения войск.

9 июля. Привал… Сулейман (о самом себе султан всегда писал в третьем лице. – *Авт.*) устроился в избе, чтобы ускорить строительство моста через Саву своим присутствием… Султан постоянно навещает место возведения моста.

18 июля. Мост построен. Уровень воды в Саве достигает настила.

19 июля. Вода заливает настил. Переправа через мост невозможна. Приказываю форсировать реку в лодках-плоскодонках».

Тяжелые военные грузы и продовольствие пришлось отправить окольным путем. Форсирование Савы оказалось трудной задачей, но султан смог в конце концов ее решить.

В начале августа началась осада Белграда. Турецкие корабли блокировали Дунай за городом, чтобы не допустить в город подкреплений. Янычары захватили близлежащие острова на Дунае. Тяжелые осадные орудия по обоим берегам реки разрушили часть внешней стены Белграда.

С продвижением Сулеймана на север войска на флангах обходили и захватывали небольшие крепости вдоль Дуная. Осадой самого Белграда руководил великий визирь Пири-паша, занимавший эту должность и при Селиме Грозном. Между тем вверх по Дунаю двигались против течения турецкие боевые суда и баржи с боеприпасами и провиантом. Сулейман лишь наблюдал за происходящим и присутствовал на военных советах. Тем самым он набирался боевого опыта.

Турецкие войска полностью окружили Белград. Город подвергся жестокой бомбардировке тяжелой артиллерией с острова на Дунае. Сулейман отметил в дневнике, что «враг отказался от обороны города и поджег его; они отступили в цитадель». Но вскоре взрывы турецких мин, подведенных под стены цитадели, вынудили гарнизон сдаться.

Вот как осада Белграда отразилась в дневнике Сулеймана Великолепного:

«3 августа. Ранен командир янычар, Бали-ага.

8 августа. Противник оставляет оборонительные сооружения у внешней стены и предает их огню. Он отступает в цитадель крепости.

9 августа. Приказываю взорвать башни цитадели.

10 августа. Установлены новые артиллерийские батареи».

28 августа гарнизон Белграда капитулировал. Из крепости вышел начальник гарнизона. Согласно традиции он поцеловал Сулейману руку, и султан одарил его кафтаном.

На следующий день султан повелел выдать раненому Бали-аге вознаграждение в три тысячи золотых. Всем пленным венграм было разрешено переплыть Дунай и вернуться на родину. Сербов же отправили в Стамбул, где и расселили в предместье, названном ими Белградом. Сулейман, осмотрев город, отправился на охоту, свое любимое развлечение. Губернатором Белграда он назначил Бали-агу.

Никакой помощи извне Белград так и не получил, поскольку венгерский король не сумел собрать войско. Оставив Белград с гарнизоном из янычар, Сулейман с триумфом вернулся в Стамбул, уверенный, что теперь Венгрия от него никуда не денется.

В целом султан неплохо справился с ролью полководца. Турецкая армия овладела рядом городов-крепостей по среднему течению Дуная – Шабацем, Землином, Смедеревом и, наконец, Белградом. Путь в Центральную Европу для турок казался открыт.

То, чего султан боялся больше всего, не произошло. Ни одна из армий европейских великих держав не пришла на помощь Белграду.

Тем не менее падение Белграда вызвало беспокойство в Европе и заставило более внимательно присматриваться к Османской империи. В Риме Паоло Джавио писал: «Военная дисциплина турок идет от их веры в правоту своего дела и жестокости, которыми они превосходят даже древних римлян. Турки сильнее наших солдат в трех вещах: беспрекословном подчинении своим командирам, пренебрежении к собственной гибели в бою и в выносливости. Они способны долгое время обходиться без хлеба и вина, обходясь ячменной лепешкой и водой».

Первая война против ордена иоаннитов (госпитальеров). Осада Родоса

После первого успешного похода против Венгерского королевства Сулейман решил начать войну против ордена иоаннитов (или госпитальеров), центром которого был остров Родос. Овладение этим островом давало туркам контроль над Восточным Средиземноморьем. Корабли госпитальеров, которых турки считали «профессиональными головорезами и пиратами», захватывали турецкие суда, направлявшиеся в Египет и из Египта, осложняли жизнь корсарам султана, снабжали антитурецких повстанцев в Сирии, перехватывали пилигримов по пути в Мекку через Суэц. Предварительно Сулейман заключил с Венецией договор о дружбе и согласии, что гарантировало нейтралитет венецианцев в будущей войне с иоаннитами.

Это была война не просто за контроль над Восточным Средиземноморьем, но еще и война идеологий. Ведь иоанниты были рыцарями-крестоносцами, мечтавшими о том, чтобы вновь овладеть Иерусалимом и освободить Гроб Господень. Поэтому турки, уважавшие рыцарей-иоаннитов за храбрость, тем не менее называли их цитадель на Родосе оплотом демонов.

Обосновавшись на отдаленном от Европы острове, рыцари либо совершали набеги на турецкие суда, либо торговали с соседней Малой Азией. Их быстрые галеры легко брали на абордаж нагруженные зерном корабли, шедшие из Египта.

На Родосе господствовал особый уклад жизни. На широкой улице размещались отдельные здания рыцарских собраний с различными гербами над внушительными входными дверями. Здесь были гербы уже исчезнувших рыцарских братств Арагона и Прованса, а также рыцарей Франции и Англии.

Великим магистром ордена с 1521 года был седобородый французский рыцарь 52-летний Филипп Вилье де Лиль Адам. Он был опытным и закаленным в боях и походах солдатом. Сулейман же еще только набирался боевого опыта.

В письме Великому магистру, полученному тем через две недели после вступления в должность, Сулейман предложил ему добровольно уступить туркам власть на острове. Рыцари же могли либо остаться на острове и свободно отправлять свои религиозные обряды, либо эвакуироваться с Родоса со всем своим оружием и имуществом, используя для переезда в избранное место турецкие корабли. Султан хвастался своими новыми завоеваниями, в том числе и взятием Белграда и «многих других прекрасных и хорошо укрепленных городов», где он «большую часть жителей перебил, а оставшихся в живых продал в рабство».

Строго говоря, по крайней мере в отношении Белграда данное утверждение было поэтическим преувеличением, поскольку гарнизон Белграда после капитуляции получил право свободного выхода, а жителей Белграда Сулейман пощадил.

Магистр в ответ похвастался своей победой над турецким корсаром Кортоглу и отказался от почетной капитуляции.

В начале лета 1522 года на Родос пришло еще одно султанское послание. Оно гласило:

«Рыцарям Родоса.

Чудовищные несправедливости, которые вы причинили моему столь долго страдавшему народу, пробудили во мне жалость и гнев. Поэтому я приказываю вам немедленно сдать мне остров и крепость Родос и милостиво разрешаю вам удалиться в безопасное место, взяв с собой самое ценное имущество. Если вы люди мудрые, то предпочтете дружбу и мир жестокостям войны».

Султан также обещал, что те из рыцарей, кто хочет остаться на Родосе, не принося вассальной присяги и не платя дани, могут остаться на острове, но при условии, что они признают суверенитет султана над Родосом.

Ответа на ультиматум не последовало.

Великий визирь Сулеймана Пири-паша возражал против экспедиции. По его мнению, высадка полевой армии и самого султана на остров была слишком рискованна. Войско могло оказаться отрезанным в случае, если бы к Мальте подошел мощный европейский флот, состоящий из кораблей Венеции, Испании и Германской империи. Кроме того, сила турецкой армии, как полагал Пири-паша, заключалась в кавалерии, которая окажется бесполезна у крепостных стен. Между тем турки с меньшим риском могут наступать через Дунайские ворота и, если будет необходимо, без потерь оттуда отступить. Более того, Пири-паша не доверял (и, как показали оследующие события, справедливо) информации еврейского лекаря, прибывшего с Родоса, что цитадель рыцарей плохо снабжается.

26 июня 1522 года у берегов Родоса появился османский флот, на борту которого находился сам султан. Сначала турки высадили на Родос передовые отряды с саперами, которые определили и подготовили места для возведения осадных батарей. Через день после того, как передовые отряды достигли берега острова, началась высадка основных сил. На остров были доставлены запасы продовольствия, тяжелая артиллерия и десять тысяч солдат.

Крепостные укрепления Родоса сооружались по новейшим проектам и были наиболее мощными в Европе того времени. Вместо прямых отвесных стен с угловыми башнями времен изобретения пороха рыцари построили невысокие укрепления из бетона на большую глубину. Над ними выступали бастионы. Орудийный огонь с бастионов сметал все живое перед крепостным валом. Обширная сеть подземных переходов и укрытий позволяла защитникам крепости безопасно перемещаться с места на место. Половина цитадели прикрывалась морем. Два мола с крепостными башнями образовывали небольшую бухту. Осада цитадели со стороны моря была невозможна, а благодаря хорошо защищенной бухте крепость могла снабжаться морским путем. Проход в бухту был настолько узок, что перекрывался цепью.

За внешними стенами Родоса рыцари построили внутреннюю цитадель из массивных бетонных сооружений. Такими укреплениями были также дом-резиденция Великого магистра, собор Святого Иоанна и госпиталь.

Часть армии, находившаяся под непосредственным командованием Сулеймана, не высаживалась на остров до 28 июля 1522 года. Европейские хроники говорят о 700 турецких кораблях и 200-тысячном десанте. Возможно, эти цифры сильно преувеличены.

Осада крепости Родос началась 28 июля 1522 года с высадкой на остров султана с отборными войсками. Сулейман Великолепный высадил на остров лучшие свои войска – корпус янычар, а с моря блокировал крепость своим флотом, который, по турецким данным, состоял из 400 кораблей. Гарнизон острова состоял из 700 рыцарей, 1500 наемников и 500 венецианских лучников, а также 4-тысячного вспомогательного войска, набранного из местного греческого населения. Среди осажденных были кавалеристы, моряки, копейщики и аркебузиры. Гарнизон располагал сильной артиллерией.

Рыцари-иоанниты из Франции, Германии, Оверни, Кастилии, Арагона, Англии, Прованса и Италии во главе с Великим магистром Вилье де Лиль Адамом оборонялись до 21 декабря, отразив все турецкие штурмы и выдержав сильнейшие бомбардировки.

Родос был мощнейшей крепостью своего времени. Туркам предстояло взять крепость нового типа – с бастионами, широким рвом, гласисом (пологой земляной насыпью перед наружным рвом крепости) и на наиболее опасных участках с двойными внутренними стенами. Порт защищали мощные башенные форты, возведенные по сторонам входа в гавань, который блокировался, кроме того, еще и вполне традиционным средством – массивными бронзовыми цепями.

Когда 28 июля Сулейман прибыл в приготовленную ему резиденцию на холме, расположенном напротив стен крепости, загрохотали пушки. Очевидно, он взял на себя руководство боем, но сколько-нибудь впечатляющих успехов не достиг.

Бомбардировка крепости стала началом подготовки к первому штурму. Саперы начали рыть подкопы в каменистой почве, в которые потом надо было заложить пороховые мины, чтобы перед самым началом штурма взорвать стены. Лишь в начале сентября турки вплотную приблизились к стенам крепости.

Ответный артиллерийский огонь с крепостных стен накрыл передовые траншеи турецких войск. Контратаки рыцарей вывели из строя батареи Пири-паши на несколько недель. Дневник султана свидетельствует:

«Султан меняет дислокацию своего лагеря, чтобы быть ближе к полю боя. Мощные бомбардировки крепости заставляют умолкнуть пушки противника.

Для султана сооружено укрытие из веток деревьев, чтобы он мог лучше командовать своими войсками.

Командир орудия убит… командиры команд стрелков из кремневых ружей и начальники орудийных расчетов ранены».

В турецких траншеях, вырытых ценой больших жертв в непосредственной близости от цитадели, были установлены мощные длинноствольные пушки, способные снести крепостные стены. У турок были также латунные осадные мортиры, стрелявшие огромными ядрами и разрывными снарядами за крепостные стены.

Но стены цитадели Родоса оставались несокрушенными.

Всего турки сделали более 50 подкопов. Но у рыцарей-госпитальеров было чем ответить. Они заручились содействием итальянского специалиста по минам из венецианской службы по имени Габриель Тадини Мартинегро, и он вел контрподкопы и закладывал контрмины. Венецианец руководил крепостной артиллерией с большим искусством и поражал огнем своих пушек любую цель за стенами крепости.

Вскоре Мартинегро создал причудливый лабиринт тоннелей, пересекавший во многих местах турецкие, часто на расстоянии всего нескольких десятков сантиметров от стен турецких подкопов. Контрмины взрывали турецкие тоннели чаще всего в тот момент, когда в них еще работали саперы.

За работами саперов и с той и с другой стороны следили специально подготовленные слухачи. Мартинегро изобрел также едва ли не первые в истории миноискатели. Они представляли собой трубки из пергамента, которые сигнализировали своими отраженными звуками о любом ударе вражеский кирки. Команда из родосских греков с миноискателями постоянно дежурила в контртоннелях, сообщая о приближении вражеских саперов. Мартинегро старался вовремя подорвать турецкие тоннели. Если же это не удавалось, он их довольно своеобразно «вентилировал» посредством бурения спиральных отдушин, которые гасили силу взрывов.

В дневнике Сулейман отмечал:

«Подрывники приходят в соприкосновение с противником, который использует большое количество горящего гарного масла, и не достигают…

Войска проникают в крепость, но вытесняются оттуда с большими потерями из-за того, что гяуры применяют новый тип катапульты…

В крепость прорывается несколько черкесов, сорвав четыре-пять флагов и большую доску, на которую противник насадил металлические шипы, чтобы ранить ноги штурмующих…»

Никаких брешей в обороне крепости найти не удалось. Волны штурмовавших войск накатывались на проломы в стенах, но под огнем артиллерии и мушкетов, под градом стрел, камней и горящего масла с большими потерями откатывались назад. Все турецкие батареи одновременно вели огонь по позициям рыцарей, но не могли нанести им существенного ущерба.

Турки несли большие потери, но не прекращали атаки на крепость.

В конце сентября Сулейман решился на всеобщий штурм. Вечером перед ним к защитникам крепости вышли глашатаи со словами:

«Земля и каменные сооружения на ней будут принадлежать султану, вам же достанутся только кровь и разграбление».

Штурм достиг кульминации на рассвете 24 сентября. Накануне турецкие саперы взорвали несколько вновь установленных мин.

Всеобщий штурм был предпринят против четырех отдельно стоящих бастионов. Он проходил под прикрытием завесы черного дыма от костров и пожаров. На бастионы обрушилась мощная артиллерийская бомбардировка. К проломам в стенах ринулись янычары, водрузившие в нескольких местах свои знамена.

Однако защитники бастионов не дрогнули, пользуясь тем, что из-за небольшого периметра стен турки не могли реализовать свое подавляющее численное превосходство.

После шести часов ожесточенного сражения атакующие были отброшены, потеряв несколько тысяч человек убитыми и еще больше ранеными, многие из которых впоследствии умерли из-за невозможности оказать им необходимую медицинскую помощь.

После провала генерального штурма крепости султан устроил «разбор полетов». В дневнике Сулейман записал:

«26 сентября. Совет. Разгневанный султан сажает под арест Аяс-пашу (этот командир понес наибольшие потери. – *Авт.*)».

Однако на следующий день султан сменил гнев на милость, очевидно, осознав, что других пашей у него все равно нет, что и отметил в дневнике:

«27 сентября. Совет, Аяс-паша восстановлен в своей должности».

Турецкие войска были в значительной степени деморализованы неудачей и ожидали приказа покинуть Родос.

Наибольшие потери понесли невооруженные строители-крестьяне, проводившие земляные работы под огнем с крепостных стен. Войска страдали от недоедания, болезней и холода, а также от проливных осенних дождей. На одного погибшего от ядер, пуль, стрел, камней и от взрывов мин в турецком войске приходился один умерший от болезни. Лошади гибли от недостатка подножного корма, а загодя заготовлять фураж турки не привыкли.

После столь чувствительного поражения султан на два месяца прекратил атаки, ограничившись продолжением минной войны. Турецкие тоннели все глубже проникали под город. В некоторых местах янычары предпринимали местные атаки, пытаясь захватить отдельные участки стены, но неизменно терпели неудачи. Моральный дух турецких войск падал; приближалась зима. Пусть даже довольно мягкая в условиях средиземноморских субтропиков, она все равно пугала янычар.

Но и защитникам Родоса было несладко. Они все чаще приходили в уныние. Их потери, хотя и составляли лишь одну десятую часть от потерь турок, были гораздо более чувствительны для рыцарей из-за малочисленности гарнизона. Кроме того, иссякали запасы продовольствия и пороха.

Среди обороняющихся были и те, кто предпочел бы сдаться. Они уверяли, что Родосу повезло, что он смог так долго существовать после падения Константинополя и нечего больше гневить судьбу, тем более что христианские державы Европы не собираются помогать иоаннитам.

Между тем с турецких разведывательных судов сообщали о сосредоточении венецианского флота на Крите. В любой момент к осажденным могла подойти помощь, и тогда Сулейман рисковал быть изолирован на острове вместе с армией, которую было уже нечем кормить.

Султану не улыбалось сидеть на острове в беспомощном состоянии в шатре под ветвями деревьев, поливаемом дождем. В периоды затишья Сулейман ездил в места, где росли сады, посещал развалины крепостей, в глубокой древности основанных норманнами. Он приказал

подготовить эти крепости, чтобы армия могла разместиться там на зимние квартиры. Но туркам не улыбалось зимовать на Родосе.

После того как еще один общий штурм крепости провалился, Сулейман 10 декабря вывесил белый флаг на башне церкви, располагавшейся вне городских стен. Это означало приглашение к началу переговоров.

«Этот прием оказал противнику гораздо большую услугу, чем что-либо еще, – писал британский историк XVI века Ричард Ноллес. – Противник мало-помалу добивается успехов, ставит защитников в такие экстремальные условия, что они рады снести свои дома, чтобы на их месте можно было построить новые укрепления и уменьшить площадь города, окружив себя новой линией траншей. Так что через небольшой промежуток времени они уже не могут сказать определенно, где именно строить укрепления. Противник проник за стены города. Он занял участок почти в двести шагов в ширину и сто пятьдесят шагов в глубину».

Действительно, переговоры принесли успех, которого турки не смогли достичь силой оружия. Сулейман, решивший, что милосердие будет эффективнее пушек, отправил Пирипашу убедить жителей Родоса начать переговоры с целью сдачи их города на почетных условиях.

Ноллес утверждал: «У многих из тех, кто во время штурма, не раздумывая, расстался бы с жизнью, после того как противник предложил переговоры, появилась надежда остаться в живых. Люди стали просить Великого магистра позаботиться об их безопасности. Силы защитников были ослаблены, а их моральный дух поколеблен.

Долгие лишения и рукопашные бои за каждую улицу и дом измучили людей, уже страдавших от зимних морозов. Магистр и сто восемьдесят уцелевших рыцарей, под чьим началом находились полторы тысячи вооруженных людей и греческие жители города, ожидали безжалостной резни в случае, если турецкие войска ворвутся в город. Они ждали помощи от Европы. В первые дни осады в европейские столицы были отправлены гонцы, которые должны были убедить европейских правителей, что стены Родоса выстоят, если рыцари получат подкрепление и порох.

Великий магистр послал одного из рыцарей в Испанию к императору Карлу, другого – в Рим, к итальянским кардиналам и рыцарям. Оттуда гонцы были посланы во Францию с письмами к французскому королю, в которых христианского правителя молили о помощи для города, где рыцари-крестоносцы были осаждены с суши и моря. Но все было напрасно. Правители были заняты бесконечными междоусобными дрязгами и лишь восхищались мужеством защитников Родоса, но не спешили оказывать помощь».

Стороны договорились о трехдневном перемирии. Ночью при потушенных огнях к рыцарям прибыл корабль с Крита, предназначенный для перевозок бочек с вином, но доставивший сотню венецианцев-добровольцев. Турки сочли это нарушением перемирия и предприняли очередной штурм, который был отбит.

Великий магистр выслушал мнение Габриеля Мартинегро. Тот заявил: пороховой завод у бухты больше не может производить достаточного количества пороха. Способных сражаться защитников крепости хватит только для обороны нескольких секторов стены. Если генеральный штурм продлится непрерывно более двенадцати часов, крепость падет, поскольку обороняющимся не хватит пороха. Правда, еще ни один турецкий штурм столько не продолжался.

Выслушав отчет инженера и зная настроения своих воинов и горожан, магистр решил, что надо принять турецкие условия. В турецкий лагерь направили гонца. Султан подтвердил прежние условия. Рыцари и жители могли покинуть Родос вместе с тем имуществом, которое они могут унести и погрузить на корабли, в том числе и со всеми накопленными орденом сокровищами. Тем, кто решил остаться, гарантировалось сохранение их домов и имущества, религиозная свобода и освобождение от уплаты налогов в течение пяти лет.

После горячих дебатов большинство созванного магистром совета согласилось, что «для Бога было бы угодно просить о мире и сохранить жизни простых людей, женщин и детей». Великий магистр призывал сражаться до конца, утверждая, что вот-вот подоспеет помощь. Но гарнизон больше не мог сражаться и угрожал бунтом. Рыцари и наемные воины не желали больше терпеть лишений.

20 декабря был произведен обмен пленными; турки покинули захваченный в городе плацдарм и отвели войска на полтора километра от стен.

Капитуляция иоаннитов была подписана на Рождество после 145-дневной осады. Султан подтвердил свои обещания, да еще и предоставил свои корабли для эвакуации. Сулейман еще раз разъяснил, что церкви не будут превращены в мечети и никто не будет насильно обращать родосцев в ислам или отбирать у них детей. Те, кто захочет оставить остров, сохранят свое оружие и имущество.

Султан честно соблюдал выдвинутые им условия, которые были нарушены лишь однажды без его ведома. Отряд янычар вышел из повиновения и совершил несколько убийств и грабежей, прежде чем порядок был восстановлен.

А когда невооруженные янычары, возмущенные запретом на грабежи, устроили у ворот беспорядки, Великий магистр под дождем в сопровождении одного спутника отправился в резиденцию султана просить его защитить родосцев от бесчинств.

Сулейман послал янычар из своей личной охраны прекратить беспорядки. Он также распорядился восстановить некоторые здания, разрушенные в ходе боев. Затем султан нанес ответный визит магистру. Сулейман полагался лишь на слово Великого магистра, гарантировавшего безопасность султана, и пришел без охраны.

Правда, для гарантий безопасности был произведен обмен заложниками, и посланный султаном отряд янычар вошел в крепость.

1 января 1523 года Великий магистр Филипп Виллье де Лиль Адам вышел из ворот крепости с оставшимися в живых рыцарями и солдатами. Они несли развевающиеся знамена. У Крита корабли рыцарей попали в жестокий шторм, и один корабль погиб. Но Великий магистр с большинством изгнанников все же добрались до Крита, потом до Сицилии и в конце концов прибыли в Рим. Целых пять лет у рыцарей не было пристанища, пока римский папа не разрешил им поселиться на Мальте, где они на средства, вывезенные с Родоса, возвели еще более мощную крепость.

Когда рыцари благополучно добрались до Крита, они обнаружили, что венецианский флот и не думал выходить в море. Венеция собиралась действовать лишь в случае, если со стороны турок возникнет угроза Кипру. В Риме собралось две тысячи добровольцев, готовых идти на помощь Родосу, но им не дали судов.

По утверждениям самих рыцарей, турки потеряли во время осады Родосской крепости свыше 60 тысяч человек убитыми и умершими. Турецких данных по поводу потерь вообще нет. Основные потери были от болезней, а не от пуль, стрел и ядер обороняющихся. Осада Родоса знаменательна тем, что здесь впервые были использованы при бомбардировках разрывные бомбы, что, впрочем, никак не способствовало взятию крепости, которая пала от голода и истощения боеприпасов, а не от приступов.

Султан вознаградил несколько гречанок, опытных пловчих, за оказание помощи туркам в передаче во время осады посланий в город и из него. Большинство греков осталось на острове после ухода рыцарей. В этом не было ничего удивительного. Правление рыцарей им отнюдь не казалось раем. Турки же на пять лет освободили греков от налогов, и только после этого они обязаны были платить годовой налог за владение домом в размере десяти серебряных монет. При этом от жителей Родоса, в отличие от других христианских подданных султана, не требовали никаких выплат за содержание скота или виноградников.

Родос пал потому, что Испания, Венеция и другие европейские морские державы не оказали необходимой помощи ордену присылкой снабжения и подкреплений. Теперь же турецкий флот мог претендовать на господство в Восточном Средиземноморье. Сулейман вслед за своим отцом сознавал, что турецкое господство в Средиземноморском регионе не будет прочным без побед на море. Он стал первым турецким султаном, при котором флот Османской империи нанес ряд серьезных поражений европейским флотам.

После родосского похода Сулейман отстранил от должности великого визиря Пири-пашу, но не казнил его, а назначил огромную пенсию. Новым же великим визирем был назначен Ибрагим-паша, которого историки считают самым способным из приближенных Сулеймана Великолепного. Некоторые исследователи полагают, что своими военными победами султан в первую очередь обязан Ибрагиму-паше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.